

ВАЛЕРИЙ КОРОЛЕНКО

ГОНДУРАС

Валерий Короленко

Гондурас

<https://litres.ru/74687077>

SelfPub; 2026

Аннотация

Захватывающее приключение для любителей головоломок.

Увлекательная история о человеке, который открывает для себя удивительные тайны человеческого разума, ломающие границы восприятия загадок бытия и осознанного выбора жизненного пути.

В центре повествования, указана непосредственная связь человечества со Вселенной и преодоления нелегкого пути познания, окружающего нас мироздания. Мистические события переплетают судьбы героев книги, предоставляя им свободу действий, основанных на моральных аспектах, принятия решений.

Роман, по своей сути, - приключенческий, который ведёт читателя к осознанию своего великого предназначения, через лабиринты исторических зарисовок, историй любви, человеческих взаимоотношений, активных действий героев.

Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

Содержание

Аннотация	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Валерий Короленко

Гондурас

Аннотация

Захватывающее приключение для любителей головоломок.

Увлекательная история о человеке, который открывает для себя удивительные тайны человеческого разума, ломающие границы восприятия загадок бытия и осознанного выбора жизненного пути.

В центре повествования указана непосредственная связь человечества со Вселенной и преодоления нелегкого пути познания окружающего нас мироздания. Мистические события переплетают судьбы героев книги, предоставляя им свободу действий, основанных на моральных аспектах принятия решений.

Роман, по своей сути, — приключенческий, который ведет читателя к осознанию своего великого предназначения через лабиринты исторических зарисовок, историй любви, человеческих взаимоотношений, активных действий героев.

Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

Роман

Г о н д у р а с

Глава первая

Зерно познания

Смерть не будет ждать, пока наберешься силы и свершишь великое дело.

Она уже стоит за спиной и смеется над трусостью. Долгий путь начинается с первого шага. Пора!

Происходят такие вещи, когда повествование истории происходит с конца, то есть с полученного результата. Автор, таким образом, наматывая клубок событий в обратном порядке, более понятен в подобном случае, читатель заинтригован и жаждет выяснения обстоятельств произошедшего. Я же оставляю данный метод и поведу рассказ с разных направлений, сводя его в точку логики сюжета.

Санкт-Петербург. Перед окончанием срока военной службы по контракту, во исполнение планов Правительства по ротации кадров, наверное, надо так понимать, был направлен на учебу в Академию госуправления, на двухнедельные курсы, с отрывом от службы, по повышению квалификации по программе «Управление муниципальным хозяйством».

На такие курсы подбираются специалисты, имеющие опыт в различных областях народного хозяйства и государствен-

ной службы. В основном это люди среднего возраста, честолюбивые, желающие продвинуться по карьерной лестнице, то есть жаждущие власти, денег, почета и уважения. В общем, публика разнообразная подобралась, интересная. Наблюдать за ней и оценивать того или иного курсанта, а также давать им свои оценки было увлекательным занятием.

На курсах слушал скучные лекции про бухгалтерию, дебет-кредиты, устройство и сферу деятельности советов директоров, разбирали тонкости работы с жилищным кодексом, нюансы градостроительного плана, жилищные комиссии, приемки объектов строительства, а еще много всякого, ненужного для меня.

Одним словом, было скучновато, жаргонно выражаясь — курсы не зацепили. И виной всему был низкий уровень моей усидчивости и недостаточное стремление к переквалификации в управдомы.

Однако одно занятие сильно меня впечатлило... Дало мне некую отправную точку в познании мира. И не зря.

Лекционный зал. Лекция по психологии. Душновато. Слушатели кто, засыпая, кивает носом, кто чего-то там читает или пишет и так далее. Атмосфера не очень работоспособная. Психологиня читала обзорную лекцию по своему предмету, что-то типа «Индивидуально обусловленные качества в психотипах человека».

Лекторша — довольно-таки эрудированный человек, более того, приятная женщина в зрелом возрасте с в меру пыш-

ными формами — выглядела эффектно, можно даже сказать, практически по-московски выглядела, эталонно.

Красивое лицо славянского типа, легкий макияж, элегантные женские очки в роговой оправе. Красивая укладка с темно-каштановыми крашеными волосами. Одета была ярко. На шее крупные бусы из природного поделочного, полупрозрачного камня красного цвета, на плечах испанская шаль в разноцветную широкую полосу темных цветов, строгое синее платье чуть выше колен, с умеренным декольте и поясом, замшевые сапоги на каблуках. Такой внешний вид женщины свидетельствует о ее хорошем вкусе с претензией на «встречу по одежке и проводами по уму».

В этот вечер на занятии, в отличие от других слушателей, которые не проявляли интереса к предмету, я был собран и внимателен. Не знаю почему, но мной овладел энтузиазм внимающего.

В конце занятия, чтобы приободрить засыпающую аудиторию, лекторша перешла на чрезвычайно интересную тему. Она заключалась в конструктивном строении головного мозга человека.

По сути, она объяснила, что мозг человека можно условно разделить на 3 части. Мелом на доске нарисовала схему головного мозга человека в виде треугольника. Наверху этой пирамиды был изображен самый-самый его небольшой вершок, который составлял 3 процента от всего объема и назывался он *сознанием*. То есть сознание человека — это все-

го-навсего несчастные три процента. «И что? — подумал я. — Всего-то?»

Следующий небольшой сегмент, после сознания, который составлял также три процента от всего объема, назывался *подсознанием*. Хрен редьки не слаще — показалось мне, так как идиоматически представления человека о структуре головного мозга заканчивались именно на этих двух постулатах: сознание и подсознание, а там, на чертеже, еще много места осталось. «Что ж так маловато в процентах?» — терзала меня мысль.

И, наконец, третий оставшийся блок, грандиозно замещающий весь остаток объема чертежа аж в девяносто четыре процента и, естественно, соответствующий ему объем головного мозга назывался *бессознательное*.

Поясняя свою схему, лектор сообщила уникальную для меня информацию. Она заключалась в следующем.

Сознание — это та часть головного мозга человека, которая отвечает за фиксацию всех событий, происходящих с ним в течение всей жизни. Запоминаются все события и действия, даже незначительные, в стопроцентном объеме. Даже самый, казалось бы, небольшой пустяк, произошедший с человеком в период его жизни, фиксируется этой частью головного мозга, называется она, как сказано выше, — сознание. При желании, ну... может, под глубоким гипнозом либо в каком-нибудь ином астральном состоянии, под действием альфа-ритмов, человек может найти и воспроизвести запи-

санные в архив его головы события и факты, однако объем накопленных данных настолько колоссален, что выгрузить искомую информацию чрезвычайно нелегко.

Итак, что такое сознание, я первоначально уяснил, а именно — это индивидуальная база данных человека. То есть это та информация, те знания и те действия и события, которые фиксируются в этом секторе мозгового компьютера человека.

Представил себе этот информационный массив или, если угодно, базу данных, хранящую, если можно так выразиться, жизненную информацию. Впечатлительно. Колоссальный объем получается, хотя и занимает всего-то какие-то несчастные маленькие три процента.

Подсознание — часть мозга, которая отвечает за осмысленное жизнеобеспечение человека. Если выражаться технически, то это оперативная память мозгового компьютера. Подсознание осуществляет поиск необходимой человеку информации: из его сознания и на внешних носителях в окружающем мире — и выдает человеку необходимую для действий информацию. На основании этих данных человек принимает те или иные решения, также подает команды организму, что ему делать в любой ситуации: поднять ногу, чтобы сделать шаг, сесть за свой стол, чтобы выучить уроки на завтра, быстро ухватиться обожженной об чайник рукой за мочку уха, чтобы снять жар, и так далее.

Бессознательное — девяносто четыре процента мозга, ко-

торые человеку не принадлежат. Он эту часть в своей жизни попросту не использует... Мозг так запрограммирован, что бессознательная его часть не взаимодействует с человеком и просто находится в его голове, автономно, так сказать.

Я представил себе огромную, неопознанную, неизученную Вселенную с миллиардами галактик, а галактики — с миллиардами созвездий и звездных систем, с расстояниями друг от дружки в миллиарды световых лет... Грандиозно. Это и было бессознательное, в моем представлении.

Вместе с тем психологиня сказала, что каким-то образом все-таки иногда бессознательное принимает участие в жизни человека, оказывая ему помощь в решении сложных жизненных задач. Но только сложных.

В качестве примера привела случай из своей практики. Рассказала о том, как у нее в квартире случилась неприятная авария, а именно, потекла фановая труба в туалете.

«Боже ж мой, — думала она, — менять сливную трубу, это ж надо весь стояк в подъезде менять, это ж сколько денег-то? Где же их взять?!» Ее охватила паника, вызванная бытовым коллапсом. Но, как она сказала, психологу с паниками справляться не очень трудно, это их профиль деятельности.

Она села в кресло, включила любимую музыку, очень потихонечку включила, расслабилась, отогнала от себя всякие мысли. Вообще ни о чем не думала. Просто сидела с закрытыми глазами, запрокинув голову на спинку кресла. Через

какое-то время, может быть, минут сорок, в голове стали появляться различные способы решения этой проблемы.

Но это была только часть работы, на самом же деле бессознательное самостоятельно составляет алгоритм решения задачи и, ни с кем не советуясь и ни перед кем не отчитываясь, само крутит маховик событий, вплоть до парадоксального уровня, что и гора возьмет и начинает движение в сторону Магомеда.

В общем, как она сказала, на стояк у нее вскоре стали появляться деньги. Собралась довольно внушительная сумма. Поразительным образом все совпадало, удачно складывалось, и деньги текли от подработок с хорошими условиями, возникли состоятельные клиенты, нуждающиеся в психологической помощи по избавлению от вредных привычек, поступили неожиданные гонорары за издание работ и так далее. Более того, все разрешилось почти что очень легко, без серьезных материальных затрат. Трубу отремонтировала жилищная контора, а деньги она потратила на более приятные вещи, чем канализационная труба. Этот пример, по ее словам, и был подтверждением вмешательства бессознательного в решение сложной задачи.

После окончания лекции я хотел было к ней подойти, немного поговорить о практиках работы с бессознательным, но приняв в учет свою некомпетентность по данной теме и, в соответствии с этим, возможно, некую косноязычность при объяснении своего интереса к теме, отказался от разговора

и продолжения знакомства.

На выходе из здания Академии меня ожидал холодный ноябрьский вечер, первая наледь тротуара хрустела под ногами. Зябковато. Под козырьком парадной стояла моя однокашница Ира. Искала что-то в своем пакете.

Сначала я взглянул на нее мельком, а потом, через мгновение, ее образ встал у меня перед глазами как неожиданный гость, явившийся среди будничной суеты. Справная бабеха, подумал я. Уже не первый раз я ее здесь вижу на выходе, но сегодня меня влекло к ней, как магнит к железу.

В сумерках при освещении разглядывал черты ее лица. Особо привлекал ее нос, который был немного крупнее обычного женского, но отнюдь не портил ее портрета. Прямой с горбинкой, широковатый с небольшой сливой на конце, прекрасно вписывался в общую структура лица. Макияж яркий, можно сказать, броский. Длинные, густые ресницы делали ее вишнево-карие глаза выразительнее и притягивали внимание. Одета была в стеганое пальто серебристого цвета, поверх воротника зеленый шарф крупной вязки, вязаная шапочка, из-под джинсов выглядывали сапожки. «Побщаться с ней не мешало бы», — подумал я, но как-то стремно проявлять инициативу... А чего конфузится-то? С девушкой-то оно повеселее будет... И после непродолжительных раздумий набрался решительности и подошел к ней:

— Привет Ира... — немного смущенно, почти что сдавленным голосом продолжил, — ну что... пойдём до метро

вместе, я тебя провожу, а?

А у самого некий мандраж, первый раз в жизни в общении с женщиной волновался мальца. Думал, а вдруг отошьет? Дело житейское, но в этот раз боялся дать промашку при броске.

Она посмотрела на меня, как бы оценивая предложенный ей товар, похлопала ресницами и весело так сказала:

— Ой, восхитительно, сегодня мне рыцарь встретился. Доберусь до дома без приключений.

Наконец она вытащила свои перчатки из пакета, демонстративно, не спеша, надевала их, как бы давая себе время на обдумывание своих действий в присутствии мужчины, а затем инициативно взяла меня под руку и с улыбкой сказала:

— Ну пошли, провожай. По дороге расскажешь мне страшную историю со счастливым концом.

В голове пронеслось: «Неплохой женский экспромт... Облегчила мужику задачу по установлению контакта. Маладца... и привлекательная, и инициативная». С такими женщинами мужикам нравится общаться. Легко с ними.

Улыбаясь, ответил ей:

— Хорошо, будет тебе и страшная история, и конец счастливый. Может, зайдем в пироговую? Здесь рукой подать, там и поговорим.

— Штолле, что ли? Ладненько, давай в пироговую, выпечкой побалуемся.

— Да, что-то типа того, вроде пироговая Штолле, по-мо-

ему.

Проходя через сквер, прилегающий к территории Академии, подошли к церкви и в момент, когда я поднял голову и посмотрел на вершину колокольни, от нее исходило голубое свечение, лазурное такое, этот поток света был виден только мне одному и бил мне прямо в глаза. Он был такой мощный и удивительно красивый, что меня невольно пошатнуло, почувствовалось как бы приглашение в непознанный мир нирваны, а в ушах слышалось тихое горловое пение калмыцких скотоводов. Остановился от удивления увиденного, проморгался... Подумал, наверное, давление скакануло из-за стеснения от нового знакомства. Ира тоже приостановилась и спросила:

— А как называется эта церковь?

Быстро очухавшись от мимолетного видения, я ответил:

— Крестовоздвиженский Собор. Мало чего про него знаю, более того, только название и знаю.

— О... Красивое название. И сама церковь великолепная. Особенная. Не похожа на обычные православные храмы. Надо будет познакомиться с этим местом поподробнее.

По дороге мы зашли в пироговую, где я заказал две большие кружки черного кофе, Ире кусок пирога с мясом, а себе булку с маковой начинкой и грушевым вареньем. Выпечка была горячей и ароматной, только из печи. С пылу, с жару.

Официант — молодой парень, словоохотлив, как выяснилось из короткого разговора, студент на подработке. Парни-

ша был несказанно любезен и приветлив. Ухаживал за нами, как за очень дорогими ему гостями. Оставил о себе очень благодушное впечатление.

Я невольно подумал, что такие ребята, благодаря исключительной коммуникабельности, могут добиваться хороших результатов в жизни, преуспевать во всех делах. Дружелюбие притягивает людей и облегчает их взаимное сотрудничество и уважение.

По ходу нашего перекуса Ира рассказала, что занята работой в отделе капстроительства начальником бюро проектирования энергетических объектов, как выяснилось, это капитальные и временные строения для трансформаторных подстанций. Работа, по ее словам, творческая и интересная, зарплата небольшая, но на жизнь хватает.

Живет в Купчаге рядом с метро.

Машины не имеет, продала в связи с лишением прав за вождение в нетрезвом виде. Ехала вечером от подруги, под небольшим хмельком, подрезала машину, которая оказалась полицейской машиной ГИБДД. А дальше: остановка, выяснение обстоятельств нарушения правил, алкотестер, эвакуатор и привод в участок для составления протокола и административного наказания. Вернулась домой на такси под утро. Вот так, покаталась... со всеми вытекающими...

Ира оказалась младше меня на четыре года. В разводе по причине сексуальной неудовлетворенности. Говорила, что муж у нее прекрасный человек, заботливый, но не мог дать

ей мужской ласки. Импотенция... Очень любил ее, часто, по собственной инициативе хлопотал на кухне, готовил жареную курицу, борщи, а на выходных спозаранку пек огромную стопку блинов по собственному рецепту.

Когда у него на работе случались проставы по каким-либо поводам, он к прочим закускам покупал в магазине пару банок маринованных солений, сдирал с них этикетки и врал коллегам, какая у него Ира рукодельница, наготовила на зиму закаток — объедение.

После развода они сохранили добрые отношения, но разошлись. Жили они в каком-то сибирском городе, Ира там трудилась в проектной организации, и по роду производственной деятельности случались частые, продолжительные командировки в Петербург.

В Северной столице в организации заказчика работ ее заметили как толкового специалиста и предложили место начальника бюро. Чтобы заинтересовать, оформили беспроцентную ссуду на приобретение квартиры в Купчаге. В общем, таким образом женская тележка нашего города пополнилась еще одним интересным экземпляром.

Также обмолвилась, что у нее есть хобби. Любит снимать на камеру и монтировать небольшие по времени документальные фильмы, на разные темы.

Я, в свою очередь, наврал ей про свою работу-службу. Не хотел описывать все перипетии штабного военнослужащего, которому через полгода предстоит увольнение в связи

с окончанием срока контракта. Сказал, что 2 недели назад уволился из филиала института и нахожусь в предвкушении назначения на должность в новой организации.

Потом я поинтересовался, каким образом Ира поступила на курсы. Она рассказала, что это обычная практика ее организации, посылать народ на учебу. При проектировании и строительстве объектов нужен компетентный подход к процессу согласования рабоче-конструкторской документации с инстанциями: градостроительным планом, местными органами власти и комитетом по строительству и архитектуре. Вот знания об управлении муниципальным хозяйством и являются существенным подспорьем в работе и прочее, прочее. Довольно-таки подробно, обстоятельно все объясняла.

Информацию по необходимости учебы на курсах Ира выпалила как заученную мантру, как актер на сцене... Монолог прочитала. Это я ухватил по движению ее зрачков. Она как бы читала невидимый текст. Показалось, что она готовилась к моему вопросу и заранее разработала и вызубрила шпаргалку, а потом складно воспроизвела ответ без сучка, без задоринки.

Также по ходу нашей беседы, у меня стало складываться впечатление, что Ира заочно со мной немного знакома, инкогнито, так сказать. Странновато, подумал я, однако эту мысль от себя отогнал, ссылаясь на соображение нецелесообразности. Именно целесообразности изучать мою скромную персону до нашей встречи я не усматривал. «Чего это ей

выкобениваться перед малознакомым дядькой, — думал я. — И где она может взять сведения на меня? Чушь какая-то. Просто она организованная девушка, и все тут, а я вот... излишне подозрителен... Шпиономания, что ли?»

В конце наших посиделок мы уже оба знали, что никуда не денемся друг от дружки. Наверное, потому, что она поделилась со мной своим сокровенным, рассказала мне свои личные тайны, а я внимал и как бы сопереживал вместе с ней. Естественно, мы обменялись телефонными номерами и договорились на предстоящие выходные погулять по городу.

Возле вагона метро Ира чмокнула меня в щеку:

— Это тебе спасибо, за пироги и кофе, до завтра.

— До завтра...

«Ооо, вторая волна нирваны за день прилетела от ее чмока», — подумал я. По голове строевым шагом промаршировали мурашки.

В этот вечер добрался до дому не сразу. Решил прогуляться по вечернему Невскому проспекту да на людей посмотреть. Люблю наблюдать за людьми на улице. Невольно поймал себя на мысли, что когда бы я ни гулял или просто ходил по делам, здесь, на Невском проспекте, с вечера до утра все время праздничное буйство. Грандиозная красота и помпезность имперской столицы прошлых веков многих впечатляет и толкает в объятия Владыки развлечений, разврата и прочих нехорошестей.

Это, впрочем, никогда не мешало мне наслаждаться вида-

ми да осознавать и свою причастность к этой красоте. Типа, я местный, ребята... хотя сам тоже не коренной ленинградец, родился и жил на Дальнем Востоке, на острове Сахалин. Потом, в подростковом возрасте, родители перевезли меня с Дальнего Востока на Дальний Запад — в город на Неве.

По ходу прогулки зашел в бар, сел за стойку, заказал себе пиво Семерку и рюмку водки. Бармен смотрел на меня не очень приветливо, скорее равнодушно. Чтобы как-то сгладить его недружелюбие, сказал, что он похож на актера Стэтхэма из Перевозчика. Официант заулыбался и сказал, что он знает об этом.

Отхлебнув пива, я его спросил, может ли он подбрасывать бутылки из-за спины, как это делают бармены на Западе. Он сказал: «легко»... Взял первую попавшуюся бутылку правой рукой, подбросил ее из-за спины, она сделала несколько оборотов в воздухе и была поймана его левой рукой. Указывая на пойманную бутылку, я ему сказал:

— Это налей мне, пожалуйста.

«Этим» оказался вискарь. Дороговато, но что поделаешь, за представление пришлось заплатить.

Перед дверью своей квартиры оказался уже после десяти вечера. По-быстрому сварганил себе блюдо по рецепту Императора Всея Руси Петра I — «яишня-скородумня», жаренные на сале яйца всмятку, правда, от себя добавил к рецепту еще пару сосисок и жарил яишню на помидоре с луком. Сел за компьютерный стол — люблю ужинать за компьютером,

спасу нет.

Прокручивая в голове события прошедшего дня, подумал: «Ну и денек выдался...» Богатый на события. Столько всего интересного случилось.

Во-первых, встреча с загадочной барышней. Ира оказалась такой особенно легкой в общении женщиной, что окружающий меня мир стал немного ярче. Соблазнительная улыбка, завораживающая походка. Вспомнились детали ее внешнего облика, которые дополнительно рассмотрел, сидя в кафе, они мне нравились — это прежде всего выразительный взгляд, который проникает в сердце, и прическа, и руки, держащие кружку с кофе, и многое чего еще.

Единственным недостатком, а может быть, и достоинством в ее внешнем виде, была грудь. Она была небольшая. Обычно женщины в ее возрасте, которым под тридцать, имеют более внушительные формы. Ну что ж, мысленно успокоил я себя, — девичьи, ароматные, немятые сиськи. Это же здорово. Венера Милосская!

Также подкупали Ирины непосредственность, дружелюбие, простота в общении и инициативность в становлении нашего знакомства, чего уж говорить о ее доверительном отношении ко мне... Это дорогого стоит.

Прогоняя в голове подоплеку нашего знакомства, сердце учащенно билось, это еще не была любовь, скорее смесь симпатии и физического притяжения, возжелания ее как женщины.

Что делать дальше и как разобраться в своих чувствах к Ирине, я уже знал, это будет наша страсть, близость мужчины и женщины, и она, по моей уверенности, должна была произойти в скором времени.

Во-вторых, это голубое свечение от Крестовоздвиженской церкви... Что это за видение было, непонятно: галлюцинация, оптический обман, атмосферное явление, знак Бога, призыв Святых Апостолов? Ничего вразумительного в голову не приходило...

Крестовоздвиженский собор построен в стиле барокко. В здании колокольни в выемках в стене возведены скульптуры Святых Апостолов Петра и Павла. Также барельеф с двенадцатью Апостолами Иисуса Христа и каждый со своим символом. Колоннада собора как распростертые руки, которые принимают тебя в свои объятия. Мне представилось, что это одно из мест силы Санкт-Петербурга. Великолепная мистика архитектуры завораживала, более того, не давало покоя явление, похожее на божественный знак, в виде голубого света.

В-третьих, это бессознательное. Вселенная, полная тайн и загадок с колоссальным потенциалом, сложными алгоритмами восприятия, анализом и синтезом данных. Чрезвычайно увлекательная вещь. Мне подумалось, что это грандиозный пласт знаний, к которому надо как-то приобщиться, попытаться понять его и взять на вооружение.

Открытая тайна поможет изменить мир вокруг себя к лучшему — это и есть зерно познания, это и есть путь к осмыс-

лению явлений, постижению тайн Вселенной и закономерностей управления миром природы и общества человеков.

Ну что ж... зерно познания, значит, зерно познания. Теперь жить, надеялся я, будет интереснее.

Глава вторая

Прогулка

*Ах ты, Коля-Николай, сиди дома, не гуляй.
Не ходи на тот конец, не дари девкам колец...*

В субботу утром, как и договаривались, встретились с Ириной на Адмиралтейской. Это самая глубокая станция метро в России, вернее сказать, не станция, а подземный дворец, как, впрочем, и все остальные станции-дворцы Питера. Глубина 86 метров. Архитектурно-художественная тема вестибюля — становление и история российского флота.

На великолепно красочных огромных мозаичных панно в холле здания изображены Петр Первый, здание Адмиралтейства, парусные корабли и прочая атрибутика славы нашего флота. Сверкают гранитные, начисто отшлифованные полы и мраморные стены. Прекрасно вписываются в интерьер каменные аркады цвета морской волны для входа и выхода людей из вагонов. Одна из самых любимых моих станций метро.

А еще люблю Адмиралтейскую за два глубоких эскалато-

ра, которые доставляют людей в подземелье и выдворяют их на волю. Казалось бы, ну в чем интерес? Человеки опускаются вниз и поднимаются вверх, и все это медленно, а надо быстрее, необходимо до зарезу, поскорее попасть в нужную точку своего маршрута и бежать дальше... В моем же случае перемещение на эскалаторе — это история про лица людей, и сейчас объясню почему.

В свое время прочел несколько романов Харуки Мураками, и в одном из них, по-моему, это был либо «Охота на овец», либо «Хроники заводной птицы», понравился один эпизод. Главный герой сидел на террасе своего дома со своим дядей. Дядя был магнат в сфере недвижимости, инвестор-застройщик. Они выпивали виски и рассуждали, как говорится, за жизнь. Ну вот, дядя и говорит:

— Ты, и все думают, что я удачливый делец, прозорливый и расчетливый, что у меня рука легкая на дела, да? С одной стороны, да, но с другой... мне помогает простой прием, некий жизненный метод, который я использую в своей деятельности. Перед каким-либо важным делом, решением трудной проблемы я бросаю все текущие занятия и выхожу на улицу. Останавливаюсь на тротуаре и начинаю всматриваться в лица проходящих людей, ничего кроме лиц, только лица. О чем я думаю в это время, да ни о чем... В это время я почти не взаимодействую с сознанием. Я просто смотрю на лица. Самое главное в этом способе то, что в течение непродолжительного времени, в процессе просмотра лиц, мозг,

без команды, самостоятельно, включает мое сознание, и у меня созревает решение моей задачи, все происходит само по себе. Все просто: бизнес процветает, семейные дела в порядке и остальное все хорошо...

Вот и я, когда поднимаюсь и спускаюсь на эскалаторе, непременно смотрю на лица людей, перемещающихся в противотоке. Всматриваюсь, читая по мимике и приметам обладателей лиц, краткое содержание их жизни. У меня уже давно эта привычка. Не могу сказать, оказывает ли этот метод помощь в делах или нет, но свою привычку не воспринимаю как экстрасенсорную практику. Для меня это просто небольшое путешествие в людской лес, где деревья — люди, а лица — плоды и цветы на них. Сказочные. Божественные... Зрелище...

Ира в это утро выглядела особенно хорошо, сексуально. В воздухе повеяло соблазном. Она загадочно улыбалась. Я подошел к ней вплотную и чмокнул ее в губы:

— Привет, Ира, как дела, солнышко?

Ира, широко раскрыв глаза, глубоко задышала, на лице появилась лучезарная, обворожительная улыбка.

— Это чего, мы уже на поцелуи перешли, что ли?

— Почему нет? По-моему, у нас многое упущено в отношениях, надо наверстывать, быстро-бегом. При каждой встрече открывать что-то новое в нашем общении, не томить себя надеждами и пустыми ожиданиями, а действовать.

— Красиво излагаешь. Театрально.

— С красивой женщиной и общаться надо красиво, это во-первых, а во-вторых, никакой подготовки, одна импровизация. Все льется из моего большого сердца. А что у тебя в пакете?

— А в пакете у меня чебуреки. Подруга дала рецепт теста для чебуреков на пиве, чтобы тесто было пышным и хрустящим, вот я и решила приготовить, дальновидно предполагая проторить путь к твоему сердцу с помощью чебуреков. Получились ничего так, вкусные. Надо где-то нам место найти и поесть их, правда, они уже остыли.

— Ого, с удовольствием попробую твою кулинарию.

Далее, состроив заговорщицкую гримасу, полушепотом на ухо сказал:

— А ты знаешь как название «чебурек» переводится на русский с древнеавилонского языка? То-то и оно, что не знаешь, однако все очень просто: Че — большой, Бу — жареный, Рек — пельмень. Обязательно отведаем этих пельментов, только вот давай походим друг с дружкой по городу, нагуляем аппетит, а потом зайдем ко мне домой и откушаем яства твоего приготовления. Ну как, по рукам? Вижу, что согласна. Я, кстати, тоже готовился и пожарил куру с картошкой, болгарским перцем и брокколи. Запек в духовке. Естественно, по-холостяцки мастика добавил, ну и куда уж без тертого сыра... Не буду хвастаться, но кушанье изысканное. Курочка румяная, а овощи ароматные, запеченные — объедение.

— Да ты гурман... как ты любишь говорить, «это во-первых», а во-вторых, по- моему, ты заманиваешь меня в свои сети. Хочешь привести к себе беззащитную женщину и опорочить?

— Да.... Ирочка, золотце мое, я гурман. И гурман во всех отношениях. Посмотри, — я указал на нее пальцем, — какой я себе экземпляр подобрал. Приятно, есть на что поглядеть, а что касается опорочить, то твоя проницательность несокрушима. Так оно и будет на самом деле, есть у меня такая навязчивая идея.

— Кто бы говорил, а? Кто кого подобрал еще? Опорочиватель выискался.

— Ладно, Ира, встреча представителей переговорных групп на конспиративной вилле прошла успешно, события требуют развития. Пошли гулеванить.

— А куда пойдем?

— Можно просто погулять, бесцельно, здесь много чего можно посмотреть, что голова закружится от красоты, а можно и в музей сходить или в кино.

— Ой, пошли в музей, а? Люблю, очень по нраву ходить по музеям и выставкам, любым.

— Решено, твое желание для меня закон. Идем в Русский музей. Без проблем купим билеты и все посмотрим.

От Адмиралтейской прошли по Кирпичному переулку до Тряпочки, так на ленинградском жаргоне называется Институт технологии и дизайна. На Большой морской улице на-

встречу нам шел парень монгольской внешности. По его загорелому лицу и внешнему виду предполагалось, что он бездомный. Он уверенно двигался в нашем направлении. Поравнявшись с нами, спросил:

— Не подскажете, где здесь поблизости есть хлебный магазин?

Я человек дружелюбный и не чужаюсь общения с людьми разных сословий, социального статуса, в том числе и оказавшимися на дне бедолагами, указав рукой направление, объяснил:

— Иди, друг мой, по Мойке туда, до Красного моста, на Гороховую улицу, там от него направо и налево полно магазинов, а на перекрестке Гороховой и набережной Екатерининского канала, сразу за Каменным мостом есть булочная «Фучека», там хлеб-булку продают. Ну давай, беги. Блаженны идущие, ибо дойдут.

Ира в нашем разговоре участия не принимала, более того, отвернулась в сторону и рассматривала архитектуру Тряпочки, а Монгол с прищуром, оценивающе осмотрел меня, как бы вспоминая, где он меня видел раньше, немного опомнившись, сказал:

— Ааа... а у меня и денег-то нет, -хлеба купить.

— Здравствуй, жопа, новый год, — с саркастической иронией ответил я.

— Здравствуйте.

Ответное приветствие развеселило меня. Достал из паке-

та чебурек, дал его Монголу. Он, поморгав глазами, взял мой подарок, повернулся и пошел. Окликнув его, достал из парт-монета стошку, вручил ее Монголу:

— На-ка вот, возьми и это, пригодится шкалик купить.

Монгол взял деньги и, не благодаря, пошел своей дорогой, отнюдь не в сторону хлебного магазина.

«Какой-то странный парень», — подумал я, несмотря на вроде бы внешний вид отрешенного, невозмутимого человека, в его взгляде улавливалось что-то хищное, исподтишка подлое, вероломное, как у воина Субудай Богатура в XIII веке. Невольно представил его как бы в виде немой, черно-белой кинохроники. Он, в узбекском халате с меховой подбивкой, в лисьей шапке с хвостом. В руках небольшой медный щит и кривой китайский меч. Стоит рядом с юртой посреди бескрайней монгольской пустыни Гоби. Степной ветер, треплет полы его халата...

— Так мы без пирожков останемся, — сказала Ира.

— Тебя должен любить не только я за твою стряпню, но и другие джентльмены — это во-первых, а во-вторых, в беде надо идти человеку навстречу, а если не идти, не беда. Тем более что этот Монгол мне не понравился. Ты заметила его взгляд?

Ира промолчала.

По Невскому проспекту дошли до Михайловской улицы, в Михайловском сквере посидели на лавочке, послушали ленинградского гитариста. Виртуозно, очень профессионально

исполнял рок-н-рольные композиции популярных на Западе групп.

Выходя из сквера, мысленно поздоровался с памятником Александру Пушкину, и... вот он, помпезный, могучий красавец Господин Русский музей!

Изначально он назывался Русский музей Александра Третьего. Именно Александр III был большим поклонником русской живописи и скульптуры. Собирал свою коллекцию картин для дарения будущему музею, но осуществить задуманное, в силу трагических обстоятельств, не удалось. Был подло убит террористами-революционерами. Воплотил эту мечту в жизнь его сын — Император Николай Второй.

Впоследствии его и всю его семью с детьми, к великой скорби народов России, тоже убили террористы. Расстреляли из револьверов. Трупы залили соляной кислотой и сбросили в заброшенную шахту.

В музее разделись в гардеробе, пакет с едой оставили в ячейке. После покупки билетов прошли к парадной лестнице и приступили к осмотру экспозиций.

Посмотрели выдающиеся шедевры русской живописи: «Взятие снежного городка» и «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» Василия Сурикова; «Бурлаки на Волге» и «Садко» Ильи Репина, «Последний день Помпеи» и «Итальянский полдень» Карла Брюллова; «Лунная ночь на Днепре» Архипа Куинджи; «Шестикрылый Серафим» Михаила Врубеля. Особое восхищение произвели картины Ивана Ай-

вазовского.

При осмотре «Девятого вала» («Волна») Ира спросила:

— Ты как думаешь, выживут моряки?

— Не знаю... Волна-то размером с многоэтажный дом. Тысячи тонн гидры... не могу представить благополучный исход...

— А я знаю, выживут.

— Ибо почему? Моряки тебе сами рассказали?

— Нет.

И, кривляя меня, продолжила:

— «Ибо» они мне ничего не рассказывали. Скорее всего, они поведали свою страшную историю о кораблекрушении и гигантском шторме самому Айвазовскому, и он взял ее за основу сюжета будущего полотна. Логично?

— Да.... Вполне. Моряки уцелели, и это радует.

Залы авангардного искусства, можно сказать, не смотрели, а прошли. Было не очень интересно, а то и вовсе глупо.

Новое искусство авангард, по моему мнению, давно уже не новое и авангардом называется с большой натяжкой, по крайней мере это касается солидной части экспозиции Русского музея, которая включает в себя в основном примитивизм и специально отвратительно нарисованные картины. Кляксы, непонятно размытые краски и черные квадраты на холсте, непропорционально, по-детски выписанные фигуры и лица людей, все это — примитивные решения, в которых критики, отрабатывая свое предназначение, ищут скрытое

философское начало, а его вовсе нет. Есть вызов здравому смыслу, в основе которого лежит принцип: я малюю, что хочу, а смотреть вам. Народ в массе своей не может воспринимать «Иное видение мира» этих аферистов от искусства. Одним из ярчайших представителей, создателей цельного вагона мазни, названной искусством, является Пабло Пикассо.

Особенно взбесил один экземпляр, в экспозиции Поделок из фарфора и стекла, — фарфоровая суповая тарелка с коммунистическим лозунгом: «Да здравствует гражданская война, самая мирная война в мире!». То есть один имбецил нарисовал этот лозунг, а второй, не хочу говорить кто он, выставил эту циничную ерунду в экспозицию.

Безусловно, авангардизм и модернизм в лучших его проявлениях и традициях есть. Он существует. Есть замечательные художники, которые продвигают художественное искусство вперед, по исполнению, технике, оригинальным композициям, сюжетам, колористике и так далее. В качестве примера мне вспомнился ленинградский художник Иван Славинский. Посещал его художественный салон на Ваське (Васильевский остров). Огромные полотна, техника исполнения космическая до умопомрачения. Смысл? Да.... Куда там бедному Сальвадору Дали до нашего Вани. Все картины сложные... по сюжетам: философские или фантастические романы, на худой конец интересные притчи.

Выйдя из музея, поймал себя на мысли, что не приложил достаточно усидчивости и внимания при осматривании ше-

девров художественного искусства. Думал о другом и, что греха таить, торопил события. Даже, по-моему, сердце билось немного быстрее, чем положено по медицинским показателям. Ира, наверное, понимала, исподволь чувствовала мою некую нетерпеливость, от чего периодически на ее лице проскальзывала улыбка и ироничное покачивание головой. Мол, знаю, что у тебя на уме, торопунька.

По дороге домой за великолепным Банковским мостом зашли в индийскую лавку. Продавщица, молодая девчонка с пирсингом, была приветлива и участлива в нашем интересе к восточным безделушкам. С охотой объясняла предназначение диковинных предметов. Там я купил Ирине серебряный гарнитур: сережки, кулон и колечко с яшмой, а себе красную в китайском стиле рубашу с широкими рукавами из очень плотной конопляной ткани. Из магазина мы напрямик пошли ко мне на хавиру.

Зайдя в дом, сняли с себя куртки и обувь. Прошли в комнату и тут, не сговариваясь, стали обниматься и целоваться друг с дружкой. Это было похоже на долгожданную встречу близких родственников, бывших в разлуке многие годы. Такая ассоциация показалась мне веселым началом серьезных, глубоких отношений.

Тем не менее обнимания и целование перешли во взаимное раздевание. Ее нагая красота оправдала мои ожидания — «Венера Милосская, только с руками», — подумал я, и по лицу проскочила глупая ухмылочка...

Ира была восхитительна. В любви она оказалась искусницей-соблазнительницей с хорошим практическим опытом и глубокими познаниями. Показалось, что она, знающая толк в любви женщина, во время нашей близости воспринимала меня неким девственным юношей, которому открывала главную тайну женского соблазна и премудрости ласк. Нежность и чувствительность были запредельно хороши.

Еще мне понравился аромат ее тела. Аромат женщины, отдаленно напоминающий запах моря, перемешанный с горькой степной полынью, который поднимался от нее вверх в виде наэлектризованных, радужных шариков. С еле слышным звуком они лопались в воздухе, разметывая слабые искорки аромата вожденной, властной в любви женщины.

Отдыхая от любовной утехи, я лежал на спине, Ира, прижавшись ко мне всем телом, положила голову на грудь. Прилепленная ко мне нагая красота восхищали меня своей нежностью. Сердце уже успокоилось, стучало где-то там, далеко, за горизонтами небес, отчего овладело впечатление, что покачивает на волнах, будто плаваю по теплому морю на пустынном пляже, далеко за пределами цивилизации, на необитаемом острове с белым песком и пальмами.

Молчали. Каждый думал о своем: я о белом песке на острове, а она о сибирской природе, быть может.

Затем я тихо спросил ее:

— Извините, что к вам обращаемся... Ты есть хочешь? Как насчет дегустации твоих больших жареных пельменей?

Ира молчала, смотрела как бы сквозь меня, в пустоту. Потихоньку освободился от ее головы, встал с дивана, укрыл ее одеялом. Нежно так укрыл, как спящее дорогое дитя. Оделся в домашнее. Взял в шкафу свою футболку и семейные трусы-шорты, мужские тапки:

— Вот тебе, Ирунчик, одежда. Как полежишь, отдохнешь, одевайся и иди на кухню. Я пошел накрывать на стол.

Ира молчала... смотрела в сторону.

— Эй, красавица, ты на что-то обиделась? Не злилась на меня, пожалуйста, я тебя очень люблю.

Молчала задумчиво.

Выйдя на кухню, налил себе большую рюмку коньяка, выпил в пару глотков. Стал накрывать на стол. От коньяка захорошело. «Надо вторую, за родителей», — мелькнула в голове крамольная мысль. Налил, хлопнул, по телу пошло тепло. Вот это я понимаю, результат...

Когда кухонный столик был накрыт и на кухне стоял аромат от разогретых блюд, в проеме двери появилась Ира. В экстравагантном наряде — мужских трусах и футболке «Русская рыбалка»:

— Господи Боже мой, красота-то какая! Дивное чудо в перьях. Куда эти кутюрье смотрят? Вот оно, смелое решение. Вот образец громкого заявления в искусстве моды! Как говорится: «Вот гвоздь, вот подкова, раз-два и готово!» Великолепно выглядишь. Мне нравится. Особенно мужские трусы тебе к лицу.

— А я уже посмотрела на себя в зеркало, первый раз в жизни так весело выгляжу, но карнавал должен продолжаться, — как ни в чем не бывало, широко улыбаясь, проворковала Ира.

— Карнавал и праздничный ужин при свете электрической лампы. Сейчас я тебе вино открою.

— Ой, если можно, вина не открывай, мы, сибиряки, в нем мало чего понимаем, водку пить привыкли.

— А... у меня коньяк, ладно, сейчас водки принесу.

— Не, не надо... Коньяк нормально.

Расположившись поудобнее за кухонным столом, смотрели друг на дружку, выжидая момент начала ужина. Мне хотелось, чтобы Ира напилась сегодня пьяная, может, таким образом ее напряжение сойдет на нет, настроение улучшится и будет о чем поболтать.

Наконец, я прервал молчание, налил по полной, поднял свой бокал:

— Ну, со свиданьем!

— Взаимно.

Засунула в рюмку самый кончик указательного пальца и уже с пальца тихонько стряхнула пару капель коньяка на скатерть.

— Это что, проверка на яд? — спросил я.

— Да нет, это у нас в Сибири такой обычай, который мы переняли у сибирских аборигенов. Это как бы говорит о том, что за столом находятся не только люди, но и духи их пред-

ков и родственников.

— А я уж, грешным делом, подумал о твоём подозрении, что я тебе, типа, в коньяк цианюги подмешал. Ладно, со свиданьем.

Выпили. Коньяк мягко обжигал глотку. Оба вздохнули облегченно.

— Закусывай, козленок, все с пылу, с жару. Вот курочка, салат, чебуреки, сало, острые перцы, огурцы. Сало и огурцы на Сенном рынке взял. Люблю коньяк с соленым огурцом. Многим лимон подавай, а мне огурец, такой ядреный, ароматный, из бочки.

— За огурцы и за сало тебе отдельное спасибо. Это моя любимая закуска, — хрумкая, сказала Ирина.

В этот вечер мы долго сидели за столом, ели мало, в основном на коньяк налегали. Коньяк великолепно сочетался с разговорами. Ира в этот ужин много чего нарасказывала о себе и своей жизни. В память врезался рассказ о ее взаимоотношениях с мужем Константином и другом Леопольдом.

Был у нее любовник Леопольд. Постарше на десяток лет, в хорошей спортивной форме. Местный бизнесмен, который, по совокупности признаков, выявленных Ириной, владел артелью на золотом прииске. Не из блатных и не из бандитов. О своих делах никогда ничего не говорил. Отшучивался, мол, не хочет удачу сглазить, зато много увлекательных историй поведал о своей службе в армии и о босоногом детстве.

Дружила она с ним не из-за его обеспеченного материаль-

ного положения, никаких меркантильных соображений по поводу любовника не вынашивала. Ей только лишь был нужен сильный, уверенный в себе, отзывчивый мужик. Характеризовала его как доброго, интеллигентного, влюбленного в нее дядьку.

Встречались несколько лет, но совсем не часто: иногда среди недели в короткую — в тайной квартире Леопольда, иногда на выходных, в длинную — на его даче. Один раз вместе ездили в Пицунду на десять дней. Жили в дорогом отеле у моря. Если Ира оставалась на ночь или на больший срок, то заранее иль по телефону предупреждала мужа, что будет у Леопольда, чтобы не волновался.

Костя обо всем знал и не возражал против знакомства своей жены с чужим мужчиной. Более того, со временем у него появился своеобразный психический комплекс, можно сказать психо-маниакальный ритуал, посвященный любовным отношениям жены на стороне.

Однажды, когда Ира приехала домой от Леопольда, Костя, как и всегда, был показательно учтив, приветлив и заботлив.

Прошла на кухню, села за столик чаю попить. А Костя взял из платяного шкафа тонкий длинный шарф, обмотал вокруг шеи один раз, зашел на кухню. Немного постоял в замешательстве, сел напротив, смотрел на нее. Ира, жуя бутерброд с ветчиной и сыром, прихлебывала чай.

— Расскажи.

— Чего ты вырядился в шарфик? Что тебе рассказать,

зайчик?

— Кааак, каак этооо былооо.

— Чего было?

— Чего ты вытворяла с Леопольдом и как это все... В подробностях.

Вкрадчивый, немигающий взгляд Кости сверлил насквозь. Ира подумала и сказала:

— Ну ладно... — решила, что все-таки когда-то надо внести ясность во всех этих запутанных отношениях, будь что будет, поделюсь впечатлениями.

Рассказывала о любовных похождениях с Леопольдом подробно, без бахвальства, как это иногда делают мужики, а по-женски, только без лирики, сверкающей Амурами, Единорогами и белыми конями. Обстоятельно. Перебирала в памяти события и воспроизводила их.

По ходу ее изложения Константином неистовство овладела чрезвычайная возбудимость. Закатив глаза, взялся руками за концы шарфика, натянул их, лицо побагровело:

— Я протестую, свинья, протест... табу... табуууу, вот свиньяааа, — хрипел Костя.

Ира остановилась.

— Дальше... дальше продолжай!

Иру обуял ужас... Она посмотрела на кухонный нож, что лежал на столе, подумала, вот и все: сейчас он меня зарежет, а потом заметет следы, сбежит в тайгу, к эвенкам и будет до конца дней своих жить в зимовке, рыбу ловить да золото

мысль, и никакая милиция его не найдет. Никогда.

— Пожалуйста... Я тебя прошууууу...

— Ладно, ладно, — сказала она и, немного успокоившись, продолжала описывать в красках историю своих порочных походов, а Костя, увлеченный своим внезапно появившимся синдромом, не унимался, сдавливал горло и громко шептал: «Свинья, я протестую, свиньяаа».

Слова «протестую», «свинья» и другие выражения, по глубокому убеждению Ирины, к ней не относились. Ни к ней, ни к Леопольду. Она была уверена в этом.

Затем, как ни в чем не бывало, Костя встал из-за стола, снял шарф и пошел в спальню. Долго, упершись лицом в подушку, лежал на диване, создавая впечатление самоудушения. Эта практика продолжалась вплоть до гибели Леопольда...

Смерть произошла неожиданно. В один из дней Ира вышла из квартиры Леопольда. Спускаясь по лестнице, столкнулась с двумя мужчинами, которые поднимались наверх. Они были в блестящих кожаных куртках, в черных водолазках и черных джинсах. На головах зимние бейсболки черного цвета. Лица... отвратительные, пугающие, хищные, с мощными надбровными дугами, как бы неандерталы, только выбритые.

В мозгу промелькнула тревожная мысль, но отогнала ее от себя. В хорошем, приподнятом настроении вышла из парадной, направилась по своим делам. На углу дома в машине

ее ждал Константин, чтобы отвезти.

По дороге зазвонил телефон. Взяла трубку, звонок от Леопольда, нажала кнопку «ответить». В динамике телефона слышалась какая-то возня, а потом звук, похожий на падение телефона. Сигнал прервался. Самоуспокаивая себя, подумала, что Лео набрал ее номер по ошибке. Перезванивать не стала.

Через некоторое время по местной телепрограмме в криминальных новостях прошел сюжет о зверском убийстве местного бизнесмена, им оказался Леопольд.

В квартире две ночи подряд громко работал телевизор мешал отдыхать. Соседи звонили в дверь, громко стучали, никто не отвечал. Предположив, что произошел несчастный случай, вызвали полицию. Полиция вызвала МЧС. Дверь взломали, вошли в квартиру, выключили телевизор. В зале находился труп Леопольда. Руки и ноги были примотаны скотчем к стулу, его рот также был крепко перетянут скотчем. Живот вспорот вместе с футболкой. Из раны свисали успевшие заветриться за двое суток кишки. В луже застывшей крови валялся разбитый телефон Леопольда. Убийц по горячим следам найти не удалось.

Ира поняла, что Леопольд именно во время нападения убийц пытался ей позвонить, когда она от него ехала с мужем на машине.

Убийство друга потрясло ее до глубины души. Плакала навзрыд. Грустила. Она даже и подозревать не могла, что

Леопольду грозит опасность. Он никогда ей о своих делах и проблемах ничего не рассказывал. Хотела было пойти в полицию и все рассказать, но потом подумала, что там сами разберутся. «Вызовут — дам показания; не вызовут — не надо, значит». Не вызвали.

Через некоторое время по городу поползли слухи, мол, из-за бабы бизнесмена-то порешили. Муж выследил и резанул. А бабу кончать не стал, пощадил. Сбежал, куды глаза глядят. Ищут его.

После смерти Леопольда Константин замкнулся в себе, мало общался, а потом и вовсе увлекся мистикой, все вечера и выходные безвылазно сидел в интернете, в каком-то оккультном сообществе, изучал практики спиритизма. Потом и вовсе засобирался в туристическую экспедицию на Северный Урал, на Плато Путорана. По его уверению, именно в том месте можно включиться в прямую связь с космосом и через это постичь тайные магические практики.

Еще рассказала, что однажды на рынке увидела неандерталов, которых в день убийства Леопольда встретила в его парадной. Чуть не обмочилась... со страху-то. Неандерталы с суровыми лицами на ходу жрали беляши и зырили по сторонам. Их засаленные от беляшей зловещие морды производили страх на окружающих. Поравнявшись с Ириной, не обратили на нее внимания. Пошли дальше своей дорогой.

Ира выдохнула, находясь в нервном, практически полуобморочном состоянии, ускоренным шагом пошла домой. До-

ма, выдохнув второй раз, отыскивала номер телефона и созвонилась с питерской организацией, которая предоставляла ей место начальника бюро. Договорилась о скором переезде в Петербург.

Гибель друга, Костины «завихрения», работа и прочие неурядицы принуждали Иру бросить родные места и постараться забыть все плохое. Встреча неандерталов послужила убедительным мотивом в принятии тяжелого и одновременно легкого решения... Решения бежать от всего...

После звонка в Питер подошла к Константину, чмокнула его в щеку и сказала:

— Зайчик, отпросись на завтра на часок с работы, нам нужно в ЗАГС съездить. Заявление подать.

Константин, интуитивно поняв, что за заявление надо подавать, часто заморгал, его подбородок начал подрагивать. Он встал из-за стола, глубоко вздохнул, сказал:

— Развод вздумала устроить. Бросаешь верного слугу? Оставляешь всему миру на поругание...

— Ничего я тебя никому не оставляю. Так надо. Это из-за Леопольда. Понимаешь, зайчик мой? Мне надо уехать подальше, подождать, пока все утихомирится и станет как раньше. Квартира на тебе останется. А ты будешь жить и радоваться. Ты у меня самостоятельный, аккуратный, ответственный и надежный...

Было около полуночи. Охмелевшая Ира сказала:

— Пойдем, покатаемся на твоей машине по вечернему

Питеру, а?

— Да ну, ты чего? Я выпил... пьяный за рулем — преступник, а вдруг, не ровен час, невинного человека, а? Не-а, я протестую. Если хочешь, закажем такси и покатаемся. Составим маршрут и посмотрим ночной город. Но лучше сейчас дойти до Казанского собора, там как раз остановка, сесть на троллейбус и проехать весь Невский и Староневский проспекты. Прекрасная прогулка получится. Троллейбусы сейчас пустые ездят, так что нашему осмотру вечернего города ничего не будет мешать.

— Нет. Троллейбус не подходит. Пойдем тогда спать...

— Ну что ж, если передумала на экскурсию, то пойдем спать. Отдохнуть надоть. Я в другой комнате себе постелю.

— Нет, будешь со мной.

— Повинуюсь, товарищ мой командон.

— Я знаю, ты все равно меня бросишь.

— С чего ты это взяла? Я твой на веки!

— Бросишь... Пошли спать.

В голове промелькнула шуточная песенка на популярный интернетный ролик с только что переделанным мною текстом:

«Я хочу, чтоб ты бросал (ломал) меня, я хочу, чтоб ты бросал меня, я хочу, чтоб ты бросал меня, ты хочешь бросать, хочешь бросать? Полностью бросай, бросай меня полностью. Полностью бросай, бросай меня полностью...»

Глава третья

Раздумья в Михайловском саду

Не роняй наземь связку с ключами, Карабас-Барабас придет.

На следующий день проводил Иру до Сенной площади. Зашли на станцию метро. Перед поездом чмокнул ее в губы: «Это тебе признание, что ты самая красивая девочка на свете». Она слегка улыбнулась, но чувствовалось, что она капризничает. «Ну и ладно», — подумал я. Как говорил Жванецкий, чем больше женщину мы меньше, тем меньше больше они нас.

Вышел из метро, пошел по Садовой в сторону Невского. По пути зашел в Гостиный двор. В вино-водочном отделе купил фляжку азербайджанского коньяка «Апшерон», короткую тонкую сигару, зажигалку, чипсы из морской капусты и небольшую булку, для голубей.

«Куда бы мне с фляжечкой-то пойти?» — подумал я... О, в Михайловский сад. Курить там стремно, конечно, смотрители поймать могут, но потихонечку, конспиративно уже бывало... А что до питья, то здесь не особо шкериться надо. Бумагой или пакетом бутылочку обернул и нормально...

Человеков мало было в Михайловском саду. Это радовало. Сел на лавочку в своем специальном месте, где я обычно располагаюсь. Именно здесь открывается прекрасный вид на

Храм Спас на Крови. Храм наблюдал за мной сквозь огромный голландский каштан, ну а я смотрел на него с благодарностью, из-за каштана, с противоположной стороны. Заиндевевшие на морозе ветки сверкали на солнце. К тому же в этом уголке сада не так много гуляющих людей. Место расположено в некотором удалении от прогулочного маршрута.

Встряхнул хорошенько фляжку, чтобы посмотреть, какой пузырь у напитка. По моему субъективному мнению: если крупный, то бодяга, а если мелкий, тогда коньячный спирт из дубовой бочки, из которого коньяк делают. В этот раз было не понятно, крупный или мелкий.

Ладно, продегустируем. Открутил пробку, хорошо так прихлебнул... во рту почувствовался вкус самогона, настоящий, но жестковатый, глотку дерет слеганца. Открыл чипсы, разжевал кусочек — вкус моря. Вспомнил про запах морского ветра на своем далеком острове Сахалин.

Между тем вокруг меня стали собираться голуби и воробьи. Люблю птичек кормить. И вообще, сколько себя помню, всегда хотелось и хочется кого-нибудь накормить: людей, собачек, котов, птичек, рыбок. Даже когда хожу в зоопарк и то — морковка в кармане, чтобы тайно скормить ее жирафу. Показываю ему предмет, он опускает свою мордочку откуда-то из высокой высоты, обматывает овощ своим длинным языком, вырывает из руки и хрумкает. Удовольствие прям-таки.

Голуби и воробьи уже вопросительно смотрели на меня,

как бы спрашивая: ну че ты резину тянешь, давай уже разбрасывай пропитание... Их манил запах хлеба. Отщипывая по кусочку, кидал им в толпу, постепенно подтягивая их ораву к себе на скамейку. Сначала садились самые смелые, а потом и на руки стали лезть.

Вдруг на руку сел воробей голубого цвета. Вот это да-а-а — синяя птица прилетела! Первый раз в жизни такого видел. «Счастливый знак», — подумал я. Воробышек покрутил своим хвостом, выразительно так глянул мне в глаза, вспорхнул крылышками и улетел. В трапезе не стал принимать участия. Жаль, такой уникальный образец покинул мое общество, так и не подружившись со мною. Очень хотелось бы угостить его, но птица — существо вольное.

Булка закончилась, пернатые разлетелись по своим делам, а я, в немного захорошевшем состоянии, остался наедине со своими мыслями и рассуждениями.

Думал о бессознательном. Эта упавшая на меня информация о таинственных аспектах мозга человека являлась открытием для меня и крепко засела в голову. В течение нескольких дней я обдумывал эту вещь или, правильно сказать, тему, постоянно возвращался к ней, и вот что я осознал:

Если люди не используют часть своего мозга в своей жизни, то зачем природа нас ею наделила? Смысла не вижу. Может, бессознательное использует кто-то другой? Кто же тогда? Может, инопланетяне? Бог его разберет.

Возможно, мы какой-нибудь биологический суперком-

пьютер? А что, некая высокоразвитая цивилизация создала нас биороботами, и мы, я имею в виду все человечество в совокупности, нашей голубоватой планеты, — есть фактический информационно-вычислительный или ретрансляционный центр, а почему, собственно, нет? Интересно...

Механизм электрической обработки и передачи информации — это несовершенный принцип. Электрический ток для кибернетики — тормоз. Из-за электрического сопротивления материалов медленно сигнал проходит, медленно операционные системы работают, а значит, возможности для обработки данных имеют свой предел, и этот самый предел неэффективен для глобальных математических вычислений и решения крупномасштабных многоуровневых задач. То ли дело биология, какой колоссальный объем информации, а?!

Вот, к примеру, человеческий сперматозоид, вроде махонькая такая рыбка-головастик, которую только в микроскоп и разглядишь-то, а какая в нем база данных, а?! Охгого, какая!

Сперматозоид содержит в себе колоссальную, вселенского масштаба, информацию. О триллионах клеток в нашем организме; квадриллионах или гуглах нервных окончаний; кровеносной системе человека; системах зрения, обоняния, осязания, слуха; речевого аппарата; мышления; восприятия; органах пищеварения; составе крови и лимфатических жидкостях; костной системе; суставах; хрящевых соединениях; коммуникативных способностях и многом другом.

Однако самое, на мой взгляд, интересное — это то, что рыбка-головастик обладает программой, простыми словами, проектной документацией сборки человека. Знает, как начать и завершить этапы создания и роста плода, затем наладить и настроить процессы жизнедеятельности и выдать на свет божий готовый продукт — маленького человека, не говоря уже о внедрении бессознательного в секторе головного мозга.

По моему субъективному мнению, если объединить вычислительные возможности всех компьютеров на Земле, включая и мощные суперкомпьютеры, то вряд ли они справятся с задачей проектирования и описания процесса создания человека.

В качестве дополнительного подтверждения своей фантастической гипотезы я обозначил и уникальность удобства использования человека в виде инопланетной вычислительной машины. Нашими, условно говоря, создателями все тщательно продумано.

Не надо вставлять нам в какие-нибудь места батарейку, чтобы обеспечить нашу работу, у нас батарейка и так есть, она находится в емкости с кислотой, которая находится в желудке, куда поступают продукты питания и перерабатываются в энергию. Если надо человеку подзарядиться, мозг подает ему сигнал к действию, и человек, к примеру, нажарит себе картошки с мясом, съест — и порядок, зарядка организма осуществлена. Вот уже и пошел процесс... и бессозна-

тельное опять-таки готово принимать, обрабатывать и передавать информацию или накапливать какие-то данные, это кому как на роду написано... программой написано.

Не надо создавать планы-графики предупредительного ремонта и технического обслуживания организма. Захворал человек — ноги в руки и бегом в больницу иль в аптеку, иль в санаторий. Замерзла башка — шапку надел, промок — поменял одежду. В общем, наши так называемые создатели позаботились о том, чтобы суперкомпьютер заботился о себе и сам себя обслуживал.

Но вот какой вопрос или, лучше сказать, проблема меня озадачила. Если человечество в целом так взаимодействует друг с дружкой и все человеки в общем итоге производят в своих головах совместные математические вычисления, то есть создают вселенский математический продукт, то на кой ляд человечество тогда воюет, истребляет само себя?

Также кроме военных потерь много народу погрязло в болотной трясине саморазрушения и самоликвидации. Виной этому осознанное стремление людей к вредным привычкам, нетрадиционному сексуализму, неудержному желанию к ощущениям смертельной опасности, чтобы получить порцию адреналина. К примеру, прыжок с парашютом, на тарзанке или полет на дельтаплане.

У меня была одна знакомая дельтапланеристка Света, она рассказывала, что по телеку смотреть полеты планеристов красиво, а в жизни это постоянные травмы: переломы, вы-

вихи, ушибы, не говоря о трагических случаях.

При развитии такого рода негативных общественных процессов коммуникативная сеть, ну, скажем условно говоря, телепатических соединений бессознательного человечества, нарушается. Ведь если кого-то из людей убили, то его единица из информационной базы исчезает, а значит, это небольшая, но потеря для вычислительного центра. Это какой-то маленький, но сбой.

На этот тезис в голову идея пришла... Есть практически подтвержденная теория о том, что у Земли, я имею в виду наш дом — планету Земля, кроме атмосферы есть ионосфера — это своеобразная информационная оболочка нашей планеты, в которой накапливаются все данные от людей, покинувших наш мир. Скорее всего, мы, люди, и к ней как-то подключены, а в случае внепрограммного ухода из жизни вычислительной единицы информацию, ею накопленную, можно снять из ионосферы?

Человеческие потери, неурядицы, страдания, социальная неустроенность, неравноправие — косвенным, а может быть, и прямым образом вредоносно влияет на качество вычислений и ретрансляции.

По моему мнению, продуктивную работу глобальной машины рациональнее обеспечивать в условиях стабильно высокого социального статуса всех членов общества, основанного на коллективном взаимопонимании и сотрудничестве, а также экологической и общественно-политической стабиль-

ности.

Почему же этого нет? Зачем человекам войны и стремление к национально-государственному доминированию, граничащему с безумием. Зачем все это?

С точки зрения религии примерно понятно. Бог сам наделил человека волей делать свой выбор: стремиться к Свету Божьему или к царству Князя Тьмы. И в сложившейся веками системе мироустройства идет постоянная борьба добра со злом на глобальном и индивидуальном уровнях человечества. Божественная система мироустройства — это практика, а практика, как говорил К. Маркс, — критерий истины.

Что-то не вяжется немного моя теория с данной практикой.

И еще о стремлении человечества к самоистреблению. Наверняка во вселенной существует множество высокоразвитых цивилизаций. Может, и там... высоко в небесах обетованных и космических пространствах идет борьба между цивилизациями. Одни хотят доминировать и всем управлять, уконтрапупить соперников и стать глобалистами или завоевать себе еще больше бесконечного пространства. Может, в этом все дело?

А чтобы выиграть в противостоянии, надо ослабить противника, помешать его развитию, навязать ему ход невыгодных, каких-нибудь фатальных событий, навредить инфраструктурным системам и ослабить базовые индексы безопасности. Измотать, разгромить, разграбить, взять в рабство на-

селение и натворить еще много гадостей. К примеру, разрушить суперкомпьютер — это один из способов в борьбе по ослаблению противника. Вполне возможно.

А что если относительная свобода действий, данная человечеству, является для него своеобразной приманкой. Человек думает, что он сам всем управляет, от этого, получив власть, творит беззаконие внутри своего общества и на международном уровне, но на самом деле это ширма, за которой стоят тайны Вселенной.

Но может быть и так, что наши теоретические прародители являются представителями злой, варварской цивилизации, и они практически не имеют понятия о добре, справедливости и благородстве, поэтому мы, земляне, и получились такими неуживчивыми, беспокойными и вероломными. А другая, добрая цивилизация, борется за нас, чтобы освободить нас из кибернетического рабства. А?

«Вполне вероятно», — думал я, и вот такая ассоциация пришла на ум: косвенно иногда я чувствовал, что каким-то образом, исподволь принимаю в этом участие. В каких-то неизвестных мне делах. Иной раз я нутром чувствовал, что за мной следят неизвестные мне персонажи, а иной раз я встречаю странных людей. Мысленно, про себя, я их называю ангелами, чужими, неизвестными или странными.

Сказать, что я шизофреник или параноик, такое думать? — так нет. Регулярно, по роду работы, проходил психо-физиологические исследования — признан годным к службе.

Тем не менее в голову пришел пример из моего личного жизненного опыта.

Дело было 31 декабря позапрошлого года. Впереди несколько выходных дней, перемешанных с суточными дежурствами на службе.

По традиции мы с ребятами, как заведено во всех коллективах на просторах нашей необъятной Родины, устроили себе небольшой праздник. Кабинетный корпоратив. Закупили выпивки, снеди: жареных птиц, нарезки, колбаску, салатки, селедочку, форель, сок, минералку. Разместились мы в 643-м кабинете, человек около пятнадцати, за рабочими столами, которые сдвинули в виде небольшой взлетной полосы.

Радостно провожали старый год, с надеждой на счастье в новом году. Вместе с другим алкоголем на столе стояла бутыл с крепким самогоном, настоящим на хрене. Кто-то из коллег принес. Хреновуха, градусов семьдесят, наверное.

Учитывая свою любовь ко всему натуральному и простому, налегал на этот божественный напиток, а зря....

В общем, когда я понял, что лимит моего трезвого сознания исчерпан до нулевой отметки, я, как у нас принято, не прощаясь, отправился домой. Отдыхать. Надо было прийти в себя к вечеру. Спьяну или по своей природной глупости, проходя по Спасскому переулку, зашел в магазин и купил себе фляжку коньяка и две сигареты «Корсар» в упаковке. Хотелось «освежиться слегонца», постоять возле Демидова моста, хлебнуть коньячку и покурить со вкусом. На свежем

воздухе-то, а?

Выбрал себе место, расположился. Отпил из фляжки, закурил. Вдруг, откуда не возьмись, передо мной возникла молодая женщина лет этак тридцати пяти, с красивым лицом, похожая на актрису Викторию Толстоганову, она появилась как из тумана, я ее даже спонтанно спросил: «Вы с небес спустились?» Меня удивило ее одеяние, это был серебряный пуховик с отливом, белоснежная шапочка с помпончиком, из которой были выпущены белые волосы со слабым зеленоватым отливом. Инопланетянка, подумал я. Почему она подошла именно ко мне, до сих пор не понятно.

Разговаривали. О чем? Смутно помню. Чего-то тер про театры и спектакли, которые смотрел в Москве и Питере, что она похожа именно на ту артистку, которая снималась в «Антикиллере». Помню также, что я восхищался ее красивым лицом, комплименты делал. Большим пальцем нежно гладил по щеке. Лицо, кстати, было без единой морщинки, а кожа гладкая как шелк. В конце нашей встречи, которая длилась минут пятнадцать, она раздражительно сказала: «Как мне надоело за вами всеми ходить, наблюдать и помогать вам. Надоели...» Повернулась и пошла. Только она отошла метра на три... пуххх... исчезла, как мимолетное видение, как гений чистой лепоты, как в цирке у Копперфильда... испарилась нафиг.

Поймал себя на мысли, что это было что-то неземное, и только подумал об этом, как правая нога предательски под-

косилась на проклятой наледи, поскользнулась, я услышал громкий хруст в суставе стопы и упал как мешок с картошкой на гранитную дорожку. Проклятая наледь. Попытался встать — не могу, дикая боль. Не только перелом, но и вывих, как выяснилось позже.

Преодолевая боль, я подполз к припаркованной близстоящей машине. Окно на правой двери было опущено. Дотянулся до оконного проема рукой и опять попытался встать, но нога так дико болела, что упал опять. Водитель машины сделал мне замечание: «Хватит тут ползать»... я ему сказал: «Походу, друг, я ногу сломал, не поможешь?», — он ответил: «Будь осторожен в следующий раз», — я ответил: «Чтобы ты сдох», — а он спокойно так: «Взаимно...». Тоже какой-то гад-паразит, неземной, подумал я, и отполз на исходную.

Когда я перекидывался парой фраз с этим инопланетным козлом, отметил, что внешнее спокойствие было только отчасти, выражение его глаз выдавало то, что он чем-то взволнован и мой разговор с ним может стать для него проблемой. Ну это типа если человек работает в спецслужбе, то контакты с объектами наблюдения и иностранцами, без санкции руководства, нежелательны, но уж если случились, то надо доложить, о чем терли и данные на иностранца, которые стали известны в процессе контакта.

Обдумывал это, стоя на коленях на мерзлой земле. Но мир не без добрых людей. Ко мне подошла группа товарищей, подхватила меня и поставила на левую ногу, облокотив на

речное ограждение. «Спасибо ребята», — поблагодарил.

Достал телефон, вызвал скорую. Когда спросили адрес, я четко ответил: «Демидов мост». Надо отдать должное питерской медицине, приехали быстро, погрузили в карету и отвезли в больницу на Васильевский остров, в хирургию, кеглю гипсовать.

Вечером, в предновогоднюю ночь в палате было человека три. Мне дали хорошее место у окна. Нянечка накормила меня больничным ужином и, по моей просьбе, принесла бутылочку минеральной воды с газом. «Это шампанское на Новый год», — подумал я и поставил минералку на тумбочку.

За пять минут до Нового года, встал с кровати, оперся о костыли, смотрел в окно и слушал поздравление Президента по радиоточке. Под бой курантов отхлебнул больничного шампанского... За окном город сверкал огнями фейерверков и праздничной иллюминацией, гудел восторженными головами петербуржцев и гостей Северной Столицы. А у меня тоска вместо праздника и газировка вместо шампанского... Не ходите, дети, в Африку... — нет, не так... не шутите, дети, с ангелами, блять...

Хотя если, как и положено в оперативной работе, этому делу дать не только обвинительную, но и оправдательную версию, то встретил я не инопланетян, а проститутку и ее сутенера, которые решили обработать пьяного мужика. Вполне...

Однако поведение проституток более-менее известно. Они предлагают интим, прямым текстом, честно, без обвиняков... Эта-то, Серебряная, ничего такого, даже и не намекала, а просто стояла рядом со мной и смотрела, как я тренирую свои голосовые связки на разные темы. Практически только слушала и все.

А еще, быть может, мой нескладный, но опытным преступником определяемый вид военного человека, хотя и одетого по гражданке, вызвал у нее опасение и она решила на гоп-стоп меня не брать?

Далее мысли унесли меня еще к одной встрече с «неизвестными». Что-то похожее, но, к счастью, без печальных последствий.

Короче, ехал в метро, лет пять назад это было... вдруг, как и видение ангела в серебряном пуховике, перед глазами совершенно случайно возникли два человека, я бы даже сказал, индивида: парень с девушкой.

Меня поразил их внешний вид. Он среднего роста, кудрявый блондин с красивой фигурой, ну такой, как на подиуме в лучших модных домах или как мраморная мужская статуя в Летнем Саду... в красивой рыже-красной кожаной куртке, синих джинсах, дорогих кроссовках. Она — худенькая брюнетка с большими глазами и красивыми губами, в пальто из тонкой шерсти, явно очень дорогое. Выглядели они как картинка в рекламе из дорогого модного журнала.

Поймал себя на мысли, что таких идеально красивых, как

бы вылитых из фарфора людей, типа кукол Барби и Кена, в природе не может существовать. Уж слишком все было без сучка, без задоринки. Они стояли друг напротив друга, смотрели друг на дружку и не выражали никаких эмоций, молчали. Однако подсознательно складывалось впечатление, что они общаются. Силой мысли разговаривают друг с дружкой. Как два рептилоида в человеческом облиии.

Мое подсознание подало сигнал — чужие. Чужие, чужие, чужие пульсировало в висках, и вдруг, оба-наааа, они исчезли, растворились в воздухе, и след их простыл. Вот только что стояли, а вот — нет их.

В голове возникла ассоциация, что это внеземные создания, что они на Земле выполняют свою миссию. Эта гипотеза появилась от того, что я запомнил эту минутную встречу на всю жизнь. Миллионы других случайных встреч выбросил из памяти, а этих — нет.

Рядом со мной послышалось покашливание, что оторвало от мыслей. Напротив стояла женщина. Она появилась неожиданно пред моими очами. Витая в облаках раздумий, я не заметил, как она подошла и заняла свою позицию передо мной. Даже немного привстал от некоторого волнения и, натужно улыбаясь, проямлил:

— Я здесь не курил, птиц кормил.

— Очень хорошо, что не курили.

Женщина лет сорока пяти, не привлекательная, но опрятная. Одета в белую куртку, белую вязаную шапочку, немного

напоминающую церковный купол, из-под куртки свисал подол белого вязаного шерстяного платья, на ногах дутые финские сапоги белого цвета, на плече холщевая котомка с вышивкой.

«Еще одна... Накликал беды, блин...» — занервничал я.

Между тем, женщина пристально уставилась в мою сторону, я немного судорожно поправлял свою куртку, не знал, куда руки девать от ее взгляда...

Серьезным, таким театральным-публичным голосом продолжила:

— Я поэтесса, пишу православную поэзию, — назвала имя и фамилию, но сейчас я не помню, как ее звали, — я почитаю вам свои стихи....

Почувствовал, как хмель воронкой уходит в воздух и я прихожу в себя. Я не знал, что ей ответить, только лишь головой кивнул в знак согласия. Поэтесса прочла свое стихотворение, быть может, одно из своих лучших, я слушал, но не особо вникал в смысл.

— Bravo, замечательное стихотворение, чувствуется, что поэзия, — хотя сам никакой поэзии не дотумкал, зато успокоился, от того, что наша встреча не предвещает для меня никаких проблем.

Далее она полезла в свою котомку и достала из нее брошюру листов на 50. Подняв ее на уровень своего лица справа, отчеканила:

— Вот это сборник моих стихов, купить не желаете? Сто

рублей.

«Рюмка водки в недорогом баре», — подумал я.

— Да, конечно, куплю. Три экземпляра можно?

— Ооо, конечно.

— А можно вас попросить автограф в каждой книжечке?

— С удовольствием, — достала ручку, — кому подписать?

— Просто: «Моему поклоннику, от автора, с любовью».

Подписала книжки, передала мне. Я отдал ей деньги.

На прощанье, оцениваяще взглянув на меня, сказала:

— Спаси Бог.

Повернулась и пошла своим путем.

«Ну, теперь и покурить можно», — мелькнула мысль.

Озираясь по сторонам, чтобы никто не спалил с куревом, прикурил свою сигарку, и только затянулся — звонок.

На проводе был мой друг Михаэль:

— Старый, привет, ты где?

— Здорово, дружище. В Михайловском саду, поэзию слушаю.

— Слышь, я в Питер приехал с ночевой, пойдем в наше место пошарабаним?

— Пошли, но только ты сейчас, сразу иди, а то я домой собирался. Продрог уж на холоде.

— Да я уж на месте практически, подваливай, жду.

Михаэль — давнишний мой приятель, дружим на основе взаимного духовного и философского восприятия мира.

Кстати, он тоже поэт, но не профессиональный. Стихов написал немного, но довольно-таки неплохие. Со смыслом и сюжетами. Есть лирика, есть куртуазные, есть политические — за Россию, но с либеральным подтекстом.

Любитель сложных схем и разворотов в межличностных отношениях. Разносторонний человек, своеобразный Аве-солом Изнуренков из «12 стульев», занимается сразу всем подряд: не очень успешно бизнесом, общественно-политической деятельностью, искусством, литературой, спортом, турпоходами, женщинами на стороне от жены. Энергичный, жизнерадостный, с комплексами повышенной демонстративности и жаждой общественного признания, оттого и водит дружбу с половиной жителей Питера.

Живет с семьей в Пушкине по соседству с Царским Селом. Дополнительно имеет небольшую квартиру в центре города, куда время от времени наведывается, чтобы в одиночестве из окна поковыть на луну.

Через четверть часа встретились в баре «Бар босс» в Думской улице. Это такая вонючая дыра, куда ходят отбросы питерского богемного общества и неутомимые студенты, жаждущие впечатлений и интимной близости со всем, что шевелится.

В этом заведении всегда полным-полно разношерстной публики, что называется — не продохнуть, не перднуть, как говаривал мой один знакомый морской офицер, в чине адмирала: «топору негде упасть».

Сидя за барной стойкой, пили Боярского — это простой коктейль в водочной рюмке: на дне капелька острого вьетнамского соуса чили, чайная ложка апельсинового сока, сверху водка. Сначала выпиваешь водку, потом рот обволакивает апельсиновым вкусом, затем обжигает язык перцем.

Выпил очередную рюмку Боярского и для поддержания разговора спросил у бармена:

— А знаешь, как в Аду черти ругаются?

— Нет, а как?

— Тысяча Боярских!

Улыбнулся во весь рот и тряхнул головой в знак одобрения шутки. Указывая на мои книжечки, которые лежали рядом со мной на стойке, спросил:

— А это что у вас?

— Это прокламации.

— Какие прокламации?

— Да шутка. Моя подруга, поэтесса, подарила мне сборники стихов. Вот, кстати, и тебе один, на чай. Здесь православная поэзия. Дорогого стоит. Так что читай и духовно обогащайся.

— Ладно, спасибо.

Бармен с интересом взял книжку, осмотрел ее, повертел в руках и бросил в нишу барной стойки.

Весь вечер мы с Михаэлем в приподнятом настроении перемещались по этой свинской берлоге. Обсуждали посетителей бара саркастически, типа, какие вот они не такие, в отли-

чие от нас, идеальных. Завязывали с ними развлекательные беседы, слушали их пьяный бред, даже поговорили с датчанином, которого хрен знает как занесло в эту дыру.

Объяснялись жестами, спонтанно вспоминая английские слова... Он как баран повторял о своей сраной Дании: «денмарк рич кантри» — «Дания богатая страна». Мы над ним подсмеивались и оскорбляли нехорошими русскими словами, надеясь, что он по-русски не понимает.

Также заигрывали с пьяными барышнями. В плотной толпе прокуренных тел Михаэль танцевал с ними и периодически из-за громкой музыки чего-то орал им в ухо. «Понтуется как всегда», — подумал я.

В баре звучала громкая, но отлично сложенная диджейская подборка. Была сплошная круговерть, воронка, которая засасывала людей в завтрашнее похмельное утро.

Около десяти вечера обнял Михаэля и сказал:

— Салют, дружище, я пошел домой, выспаться надо. Завтра на службу.

— Давай, братан, до созвона.

Михаэль был еще в самом запале, заигрывал с девчонками. Морда пьяная, глаза масляные...

Вышел из этого вонючего пивного логова наружу, вдохнул полной грудью. Ненавижу это место. Вроде когда внутри, все это буйство затягивает в водоворот страстей и пороков, чувствуется эмоциональный подъем, а выходишь — полное опустошение. Бесовское место, высасывает энергию.

Терпеть ненавижу.

Через полчаса, приняв прохладный душ, лег на диван. Укутываясь в одеяло, вспомнил, что забыл в баре свои книжки. Жаль, но, может быть, оно и к лучшему. Пусть православная поэзия попадет к заблудшим. Не исключаю, что вся история с книжками — чья-то режиссура. Именно таким образом они попали в духовно опустошенное место и начали свою терапию по очищению от грехов... погрязших.

Далее, после непродолжительного воображаемого допроса с пристрастием, застрелил президента и госсекретаря США, с вердиктом: «Это вам, мерзавцы, возмездие за работорговлю и угнетение негров, а также геноцид североамериканских коренных народов», — провалился в пьяный сон.

Приснилось, что еду на электричке в Никольское. Что это? станция, поселок, город, остановка? я не знал... Вагон очень старый, неухоженный и холодный. Поезд остановился, прозвучало объявление по динамику: «Соблюдайте осторожность при выходе из последней двери последнего вагона». По-моему, приехал на место, надо выходить... Перрона на остановке не было, поэтому из двери вагона спрыгнул на гравийную насыпь железной дороги.

По гравию спустился к тропинке, которая вела к каким-то домам. Это оказался заброшенный дачный поселок. Покосившиеся разоренные домики с проваленными крышами и выбитыми стеклами, скрипящие на ветру обшарпанные двери и завалившиеся заборы не предвещали ничего хорошего.

Было зябко и неуютно.

В отдалении заметил фигуру человека. Направился к нему, чтобы выяснить, как добраться до Никольского. Приблизился. Некто, в черной суконной накидке с капюшоном, стоял ко мне спиной. Рост метра два, широкие плечи. Я подошел, тронул его за накидку, чтобы поговорить, а когда он повернулся, мгновенно набежали тучи, небо почернело, невдалеке послышались раскаты грома, и засверкали молнии. Мое лицо перекосило от дикого ужаса! Его морда была зловещей, трудно описать словами степень устрашающего облика. Взгляд дико расширенных красных глаз чудовища пронзил меня насквозь, до костей.

Особь держала в руках бензиновую газонокосилку. Его огромная костлявая рука с длинными корявыми ногтями с силой дернула за шнурок стартера, газонокосилка завелась. Особь, дребезжа своим инструментом, начала косить перед собой остатки пожухлой травы. От косьбы поднимая пыль, во все стороны разлетались куски травы, мелкой гальки и песка. Шаг за шагом нечто приближалось ко мне, вот уже косильная фреза врезалась в мои ботинки и превратила их носы в лохмотья... Убежать от него, спрятаться не представлялось возможным. Страх, страх обуял настолько, что шагу не мог ступить и пальцем пошевелить.....

Проснулся от крика тонкого фальцета, который я сам издавал от страха. «Во дела, — подумал я, — и приснится же такая хрень». Показав дулю в окно, сказал: «Куда ночь, туда

и сон».

Спать больше не хотел. «Закусить надо», — подумал я. На кухне включил чайник, зарядил в тостер два куска хлеба, достал из холодильника масло, сыр, ветчину, приготовил бутерброды. Чай был крепким и в меру сладким, бутерброды хрустящие, как я люблю...

Глава четвертая

Ира

Роди ребенка, посади дерево, построй дом, напиши книгу — программа на жизнь...

Ирина давно трудится инженером-проектировщиком, но в последнее время, на новом месте, не все складывалось гладко. Ее подчиненные часто косячили в расчетах и чертежах, хреновато пользовались AutoCADом.

Казалось бы, любимое дело должно приносить удовлетворение, однако реальность оказалась куда суровее ожиданий. Вместо стремления совершенствоваться и учиться новому некоторые члены коллектива были больше увлечены сплетнями, что вызывало некоторую тревогу, снижая продуктивность работы и настроение.

Были периоды, когда вбрасывались слухи и ложные обвинения, направленные против Ирины. Ей приписывали ошибки коллег. Критиковали за спиной ее работу и даже пытались

настроить руководство против нее.

На удачу, начальник отдела оказался нормальным мужиком. Был опытным штыком на фронте неслужебной деятельности внутри трудового коллектива, от этого и понимал суть происходящей возни вокруг Ирины.

Из-за того, что он дорожил ей как грамотным специалистом, решил утихомирить нападки. Сделал все просто: стал вместе с ней ходить на обед в столовую, захаживал к ней в кабинет, на кофе, на совещаниях отдавал ей должное, более чем другим работникам. Его грамотный подход к решению проблемы успокоил вакханалию инженерных хабалок.

В конечном итоге дружеская поддержка позволила Ире спокойно оценивать интриги как следствие недостаточной квалификации и низкого уровня корпоративной культуры внутри команды. Ира решила для себя, что сохранение психического здоровья — приоритет, а насчет деловой атмосферы не сильно-то и переживала, решив, что козни строит не она, а сослуживцы, пусть теперь сами живут с этим. В общем, закон жизни: «Не привыкнешь — подохнешь, не подохнешь — привыкнешь».

Более того, переехав на житье в Питер, на нее обрушились не только трения на работе, но и впечатляющий масштаб мегаполиса, который давил своей массой, перекрывая пути доступа кислорода в ее жизнь. Напрягала плотная, многоэтажная застройка Купчаги и огромное количество человек-муравьев, сновавших по своим делам в разных направ-

лениях.

Пора освободиться от тягот и шмыгнуть к Господину Петербургу за пазуху, поближе к русской печке с итальянскими изразцами XVIII века — решила Ира. А именно, для начала погрузиться в духовную сущность древнего города, познакомиться с ним через свое увлечение творчеством.

В недавней, размеренной и более-менее спокойной жизни в небольшом сибирском городе она занималась творчеством кинодокументалистики. Была нештатным арт-корреспондентом местной телестудии. Увлечение сложное, требующее много времени, но эффект поразительный — духовное освобождение от коммунальной рутины и планов-графиков на основной работе.

Все произошло спонтанно. На одной из встреч с Леопольдом обмолвилась:

— Понимаешь, Польдик, иногда в обыденной жизни воспринимаю окружающую действительность сквозь кадры кинохроники. В автобусе, к примеру, сажусь у окна, смотрю сквозь него на улицу, и оно превращается в экран телевизора. Вот рябина с кроваво-красными гроздьями ягод; школьник из шалости задрал юбку своей однокласснице; бездомный котенок у дверей магазина заглядывает в глаза посетителям и просит приютить; старушка с мудрым и усталым от тяжелой жизни взглядом у церкви держит в руках кружку для милостыни; заснеженные, задумчивые горы; бурные перекааты рек; гладь озер; велопрогулка по лесной тропинке; буй-

ный цвет полевых цветов... Много, много встречается ярких, красочных и, напротив — угнетающих кадров, которыми хочется поделиться с людьми...

— Мне тоже мое кино смотреть нравится. Иной раз видеорегистратор смотришь, а ощущение, как бы на машине... едешь. Особо впечатляют серпантинные переходы. Нервы щекочет. А как ты сама ощущаешь кино?

— Для меня кино это, понимаешь, такая, как бы сказать, специфическая сфера технического творчества. Человек с помощью технических средств создает художественные образы, передает свою мысль в образной форме и показывает эстетику, красоту и смысл кадра....

Леопольд ничего не ответил. Молчал.

Через два дня на работе Иру по телефону вызвал начальник охраны. Сказал, что пришла посылка на ее имя. В фойе предприятия на главной проходной стоял курьер экспресс-почты DHL, в руках держал обклеенную символикой Ди Эйч Эл коробку, предназначенную Ирине.

Получив неожиданную посылку, Ира в своем кабинете сорвала почтовую пломбу, раскрыла коробку, с нетерпением вытащила содержимое на стол и — о, мой Бог!

Это было сокровище: небольшой по размеру ноутбук LG, цифровая профессиональная видеокамера Sony, миниатюрная камера Go pro, выносной жесткий диск, светофильтр, телескопическая тренога для камеры, упаковка DVD-дисков, кабели, флэшки и другая приятная мелочь для творческо-

го человека. Все было аккуратно упаковано в пупырчатую пленку, коробочки и мешочки. Особо Иру удивил и взволновал один пакет из плотной целлюлозной бумаги. В нем лежало удостоверение нештатного сотрудника местной телестудии на ее имя, с ее фотографией, кожаная обложка для этого удостоверения с гербом и надписью «МВД России», также карточка редактора рубрики «Наш край», с дописанным от руки номером мобильного и коротенькая записка:

«Уважаемая Ирина!

Отснятые и смонтированные материалы приносите мне лично. Для редактирования. Связь по моб. т.».

Села в кресло, откинулась на спинку, глубоко выдохнула. Схватила телефон, написала сообщение Леопольду:

«Этого я тебе никогда не забуду! Сказать, что ты лучший, — очень мало...

Снимать документальное кино будет моим полетом в сказочный мир!»

На новом духовном поприще добилась хороших результатов. Обдумывала сюжеты, диспозиции, изучала информацию о местах предстоящих съемок, составляла сценарные планы, выезжала на рекогносцировки и съемки материала. Опыт инженера-проектировщика был существенным подспорьем в новом деле.

Снимала с воодушевлением. После, вечерами, монтировала отснятый материал, накладывала музыку, комментарии, спецэффекты. Сама в кадрах получалась нескучной и

по-женски интересной. Получались хорошо продуманные, интересные по тематике, математически выверенные фильмы.

Редактором, с которым она сотрудничала, оказался молодой парень Толя. Влюбился в Иру с первого взгляда, отчего бескорыстно помогал в создании документалок и подаче их в телеэфир. Обучил ее навыкам операторской работы, по системе Казимира Малевича, да, того самого дядьки, который «Черный квадрат» нарисовал, и навыкам режиссерского направления.

Ира после каждого показа ролика в эфире в знак благодарности приглашала Толю в кафе «Прибой», кафешка находилась недалеко от студии, в которой они праздновали очередную победу на поприще киноиндустрии. Сидели подолгу, крепко выпивали и обсуждали идеи для очередных фильмов.

Для Толи посиделки за просто так, с вожаемой, соблазнительной женщиной являлись наградой, как счастливый лотерейный билет. Но дальше творческого союза у него с Ирой ничего не получилось. Она дала понять, что женщина замужняя, очень уважает и любит Толю по-товарищески как своего наставника и прекрасного человека.

Фильмов было немного, четыре-пять в год, практически все они транслировались по местному телевидению. Зрители телевизоров отмечали смотримость и увлекательность ее роликов, ее комментарии в кадре завораживали своей изюминкой, отличавшихся простотой смыслов. В общем,

у зрителей создавалось впечатление о том, что она общается с каждым из них индивидуально, по-дружески, тет-а-тет. Мужики города симпатизировали ей, а Леопольд ликовал. Ото... бабу к месту пристроил...

В Петербурге Ира мечтала отыскать способ выражения своей любви к Великому Городу Мира и передать атмосферу своих сюжетов другим людям. Естественно, она понимала, что напихать в фильм достопримечательностей города, наложить на кадры романтическую музыку и наштамповать в ленте спецэффекты — это удел любителей. Она же считала себя практически состоявшимся профессионалом, ей были нужны сюжеты со смыслом, а посему готовилась к серьезной работе.

Освоение нового участка своего творчества разбила на три основных этапа:

1. Архитектура, исторические факты;
2. Дворы, люди;
3. Проблемные вопросы горожан и города.

Вечерами, после работы, в уюте домашней обстановки Ира изучала материал по интересным и историческим местам Петербурга, который отбирала для съемок. Критерием для выбора объектов был ее личный интерес и математическая интуиция.

В выходные дни ходила на киноохоту. Она бродила часами, погружаясь в тихие улочки и уютные переулки, забывая обо всех заботах. Постепенно ее работа превратилась в на-

стоящее приключение.

Иногда снимала сюжеты целенаправленно, в соответствии со сценарным планом, а иногда просто набирала материал. Писала на камеру понравившиеся места, лица людей.

Спонтанно, показывая свое удостоверение, представляясь тележурналистом, брала короткие интервью у жителей и прохожих. В основном они рассказывали истории из своей жизни, делились своими знаниями о местах проживания, историческими фактами, бытовыми условиями, давали сравнительный анализ, то есть как раньше было, что стало, и многое другое.

Для установления контактов с жителями одаривала их сладостями и недорогими сувенирами, которые носила в операторской сумке. Среди ее сувениров особый интерес представляла Сера. В Сибири это очень распространенное гигиеническое средство для укрепления зубов и десен. Производится в домашних условиях либо небольшими сельскими артелями. Состоит из хвойной смолы, смешанной с истолченными в порошок лечебными травами, коры хвойных деревьев и березовой чаги. Жуется как горький жевательный мармелад. Зубы жемчуг, губы коралл!

Встречи бывали разные. Однажды, когда она снимала на камеру архитектуру зданий в глубине Центрального района, к ней подошел мужчина со свертком из газет «Метро» в руках. Худощав, лицо как бы выстиранное, но не отглаженное желто-серое больничное белье, взгляд выцветших глаз исто-

чал болезненность и страдание. В общем, по его внешнему виду определялась его обратная связь с психиатрией.

Протягивая Ирине свой сверток, сказал:

— Купите цветы, стоят недорого, а радость... от них... Никто не покупает, кому ни предложу, цветы, понимаешь, лишние в их жизни, а это не по-человечески. Что за люди такие непонятливые? И раньше ничего не кумекали, и сейчас недалекие. Это, что это такое... называется? Ведь должно же быть хотя бы минимальное проявление внимания и чувство верноподданства. Я в конце правления Брежнева стал отчетливо усматривать появление монголоидных черт на его физиономии. Да... лицо изменилось. Он стал человеком монголоидной расы. На приеме у врача я официально заявил, что Брежнев — Мао Цзэдун, а врачаха мне говорит: еще чего? «А больше ничего», — ответил я.

Потом начальник китайской разведки Кань Шен забрасывал своих агентов в Советский Союз для организации слежки за мной. Ведь я открыл их тайну, что Брежнева подменили. Этим агентам я не раз объяснял, что русский и китайские народы являются братскими, ибо пострадали они от злопыханий британского, немецкого и японского империализма. Они во всем со мной соглашались и в рапортах Кань Шену докладывали позитивные отзывы о моем правлении Империей.

А потом Ельцин. Ельцин своим Указом ввел в Российской Федерации Конституционный суд. В указе написано,

что судьи на судебных заседаниях должны присутствовать в черных мантиях, это ему Горбачев посоветовал, потому что за границей так. Мне известно, что Горбачев поклонник Запада. Кроме того, он агент... Двойной агент, британских и германских спецслужб, вот и сделал как на Западе — мантии черного цвета. Я же своим Постановлением отменил этот Указ. Теперь судьям предписываются мантии голубого цвета. Небесного. Цвета международной дружбы, мира народов и созидания.

Также Конституционному суду и начальнику Главка военной контрразведки я совершенно секретной шифротелеграммой поручил расследовать преступления и совершенные Ельциным злодеяния, который является двойным агентом разведок: американской и израильской. Горбачев также должен быть досконально допрошен по поводу своих преступлений, совершенных против народов России и республик Российской Империи. Органы мне ответили, что мое задание приняли к исполнению.

Я предупредил, что Горбачев и Ельцин личности исторические, поэтому я контрразведке приказал пыток не применять. Действовать по обстоятельствам. После следствия Конституционный суд должен был вынести вердикт на пожизненное заключение и общественное порицание за их преступления против Коммунистической партии и народа, во все времена.

Во время следствия, кроме всего прочего, также выясни-

лась террористическая связь Ельцина и Горбачева с Евой Браун и императором Японии Хирохито, что недопустимо для государственных и партийных деятелей их ранга. По моим данным, они планировали сейсмологические преступления. Решили устроить землетрясение широкого охвата на Дальнем Востоке, Сибири и Урале, чтобы обеспечить военной коалиции американцев и японцев условия для захвата этих территорий. Следствием пресечены попытки осуществления враждебных замыслов.

Я, по секретному каналу разведки, послал им телеграммы: Еве Браун и Хирохито, — в которых описал доказательства их преступлений против человечности и призвал, через газету «Российские ведомости», покаяться в злодеяниях против народов Российской Империи. Потом я проходил лечение... и не был оповещен о результатах расследования. Долго болел.

Моя государственная деятельность, стремление честно служить своему народу вызывают злобный оскал моих врагов-империалистов и их пособников, которые сидят в Правительстве России. За мной ведется скрытое наблюдение агентами Демократической партии России. К квартире подключена система слежения «Бумеранг». Кроме того, применяется шантаж окружающего меня женского пола и стремление убрать меня с политической сцены.

В доказательство могу сказать... Две недели назад на православный праздник Яблочный Спас купил два пакета ис-

панского вина. Первый пакет выпил, нормально. Второй — цианистый калий. Полчаса умирал, выжил... И теперь более осмотрителен. Пью кефир. Кефир обладает множеством полезных свойств благодаря своему составу. Он богат полезными бактериями, витаминами и минералами, снижает холестерин, снижает стресс, улучшает кожу.

Показывая на Иру желтым пальцем, сказал: «Ты кефир употребляй обязательно. Это мое распоряжение, конечно, если у тебя нет аллергии на молочные продукты. Понятно тебе?»

— Вы так говорите, как будто бы вы руководитель нашей страны, — в шутку, для поддержания разговора, сказала Ирина.

— Да, я Император Сибирский, Дальневосточный и СНГ. Президент у нас Российской Федерацией командует, а я — Российской Империей. Потому что Томск, Красноярск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, Владивосток, Хабаровск и все советские республики Союза Независимых Государств — это Российская Империя.

— Вот вам шоколад к чаю. Спасибо за рассказ.

Император взял плитку, положил в карман застиранного, мягкого пиджака, повернулся и пошел. Ирина еще некоторое время держала камеру, чтобы запечатлеть его удаление.

Грустную историю отсняла, подумала она, но не лишена некоторого пророческого смысла от юродивого...

В общем, каждый отснятый сюжет был особенным. В объектив попадали старые деревянные двери, украшенные резьбой, великолепная лепнина фасадов зданий, архитектурные решения древних зодчих, немеркнущая со временем эстетика строений, арки, ведущие вглубь дворов, дворовые скульптуры и фонтаны, аккуратные клумбы, разбитые жильцами, живописные граффити на стенах домов, отражающие внутренний мир местных жителей. Эти детали раскрывали невидимую глазу красоту города, которую большинство прохожих попросту игнорирует.

Дома Ира приступала к монтажу отснятого материала, просматривая который, вновь переживала каждое мгновение прогулок, вспоминая эмоции и впечатления. Кадры получались эмоциональными, искренними и живыми. Каждый кадр говорил сам за себя, рассказывая историю мест, ставших близкими ее сердцу.

После работы над проектами Ирина чувствовала облегчение и удовлетворение. Теперь у нее было нечто большее, чем просто кино: она создавала произведения искусства, которые позволяли сохранить частичку любимого города навсегда. Этот опыт помог ей обрести внутреннюю гармонию и научил видеть прекрасное там, где другие видят обыденность.

Петербург, узрев стремление Ирины попасть к нему под крыло, отнесся к ней благосклонно. Когда она с ним общалась, не отталкивал ее, напротив, внимательно наблюдал, чем она занимается, время от времени подсказывая ей идеи

по сценариям.

Далее они вовсе подружились, это она чувствовала по его настроению, которое поразительным образом передавалось и ей. Иногда он был веселым и приветливым или сонным и уставшим, особенно после праздников, а то и вовсе хмурым и необщительным, погружая жителей в серый сумрак дождливого тумана.

В такие дни Ира сопереживала своему Большому Другу, отчего ей были видения страданий Города во время войн, разрух и революционных бурь. Вроде смотрит — едет трамвай, а в глазах черно-белый кадр: серая мгла, разбитый фашистским снарядом трамвай, ледяная стужа зимы, и умирающие от голода люди-тени, укутанные в тряпье, еле волочат ноги в неизвестном направлении.

Раздумывая о своем увлечении кинотворчеством, Ира не могла объяснить, чем вызвана приверженность к Миру Прекрасного? С какой радости ее тянуло к художественному созданию? Этого она не могла объяснить, но подспудно, интуитивно догадывалась, что это ее сердце и сознание в хаосе жизненных переживаний искали душевной привязанности, жаждали любви, но любви не было, она еще не пришла, а посему Ирине, в топку страсти и утоления любовного голода приходилось кидать увлечение прекрасным.

Хвала Всевышнему, что именно так у Иры получилось, ибо многие человеки заглушают голод любви суррогатом из людских пороков: кревоугодием, алкоголизмом, наркомани-

ей или, того хуже, переживают глубокий побочный эффект, связанный с трансформацией личности. Так, недолюбленные становятся невыносимыми скандалистами, преступниками, особями, погрязшими в неадекватной злобе и интригах.

Глава пятая

Вака

О проблемах. Бог посылает человеку только те испытания и проблемы, с которыми он может справиться, если не справляется, то это не его испытания и не его проблемы.

На заре теплой новгородской весны вышел люд мужичий от стен родного посада, города Старая Русса. Легкий ветер гулял над Ильмень-озером, игриво перекидывая облака утреннего тумана через деревянный частокол крепостной стены.

Средь бородатых купцов, одеванных в кожаные зипуны с шерстяным подбоем, их артельной челяди и невольного люда в караванном сборище отрешенно стоял молодец по имени Велемир — внебрачный отпрыск тысячника новгородского Вербина и дворовой девки Матрены.

Опекал Вербин отпрыска Велемира, дитя свое родное. Содержал достойно и в строгости. Отправлял его к балтам варяжским языки постигать чужеземные да учиться писать карты страноведные. На чужбине познал Велемир языки ла-

тинский, германский, эллинский да картоведение. Вернулся в дом матери своей ученым мужем. Тут-то Вербин и прочил ему службу толмачом при Князе Новгородском. Но взмолился Велемир пред тятьей возлюбленным. Челом бил на отцовское позволение закончить познание словесное. Просил послать его в Земли Восточные, а через то и арамейский язык постичь. Ведал Велемир, что язык арамейский — древний язык заклинаний, колдовства, тайн земных и небесных. Зело влечение его к тайнам небесным тянуло.

Смилостивился Вербин, отдал дитя свое кровное купцам в попечение в походе далеком. Дал ему злата кошель на житье чужеземное.

Дальний поход предстоял посольству торговому русичей в земли греческие, в древний Царь-Град. Заполнены доверху расшивы торговые товаром богатым. Под парусами крепкими ходили не раз расшивы, озерами и реками, и морями дальними, а в Волоках до Днепра-реки — посуху, по просторной степи, аки по глади водной шли расшивы под парусным стягом, на колесах кованых. В низовье Днепра входили торговые в Русское море, где путь лежал в страны заморские.

Воздав мольбы Русским Богам своим, отправилось посольство торговое в путь дальний, опасный и трудный. Велемир же не чуял тревоги, было ему видение о спасении чудном. Бог неведомый направлял его в дальние страны на спасение вечное. Долго по водам шел караван торговый, прирастая в пути путниками и паломниками.

Но коварна судьба в тех землях была, где дорогу прокладывают клинки дружинников, а торговая прибыль через битвы кровопролитные берется. В низовьях Днепра, перед выходом в Русское море случилась беда великая. Отряд кышпаков мадьярских, разбойников кровожадных налетел внезапно, будто бы ветром знойным занесло из диких степей неприятеля. Напали поганые на лагерь посольства торгового. В жестоком бою полегла дружина посольская. Сражались славяне храбрые, крепко держали мечи воины русские, но было кышпаков во много крат более, исход предрешен заранее.

Кышпаки силою своею великою уворовали все злато торговое и весь невольничий люд отобрали себе в полон. Остальной караван отпустили следовать в назначение. Мангыш — предводитель разбойников, узрев Велемира — толмача словенского, заарканил его. Так Велемир пополнил когорту рабов кышпакских. Дорог товар людской на рынке неволи. Тем паче за толмача десять цен сторговать возможно.

Долгие дни тянулись уныло, тяжкий невольничий путь превозмог Велемир. Жажда и голод да побои нещадные спутниками были в дороге. И вот прикованного цепью к другим несчастным пленникам пригнали Велемира в Иерусалимский торг рабов, где продается душа человеческая словно товар обиходный.

Вечером рабов загнали под навес на городской площади. В пристанище стоял запах немых тел и нечистот. Каждому

пленнику выдали по две больших лепешки и по пригоршне фиников, чтобы они наелись перед торгом. Поставили бочонок с водой. Все жадно пили. Утоляли жажду.

Велемир уселся на свою рогожку у столба, его когда-то добротное одеяние, от которого остались штаны да рубаха, было истрепано и грязно. Отламывая по кусочку лепешки, ел не спеша, растягивал удовольствие. В такие часы отдыха Велемир мысленно возвращался в отчий дом, где матушка Матрена кормила щами свекольными да кислыми, ухой мясной да рыбной, квашеной капустой, солеными грибами, мочеными яблоками, кашей пшеничной да гречневой, да полбой с овощами, с грибами, а еще пирогами да расстегаями, блинами да шаньгами медовыми с лесными ягодами. Но более всего хотелось ряпушки, ряпушки, запеченной на сале. Царская рыбка!

Билось тревожно сердце русича, вспоминая просторы Родины своей, вольные реки, чистое синее небо родное... Но судьбы своей Велемир не гневил. В нем сила была и уверенность: на чужбине далекой предназначение выполнить должен. А когда все исполнит, то снова услышит голос дремучих лесов, стук копыт коней верных и красные напевы русские. Вернется в отчий дом, низкий поклон отобьет Матушке Матрене и Тяте Вербину. А потом, после стола с угощением, возьмет лодку свою да пойдет на Ильмень-озеро ряпушку да карася ловить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.